

Алексей ГОРШЕНИН

ЗВЕЗДА ОСЛЕПИТЕЛЬНОЙ НОВИ

ОЧЕРК ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЫ

ОЛЬГИ КИЕВСКОЙ

Новосибирск

2015

Горшенин А.В.

Звезда ослепительной нови. Очерк творческой судьбы Ольги Киевской. —
Редакционно-издательский центр «Новосибирск» НПО МП России. — Новосибирск,
2015.

Еще с десятков лет назад об Ольге Киевской, кроме разве что очень узкого круга друзей и знакомых, мало кто слышал. Зато сегодня она хорошо известна читающей публике как очень интересная, художественно яркая, оригинальная, колоритная, большого эмоционального накала поэтесса, успешно работающая в разных темах, жанрах и формах. Ее творческий диапазон широк. Кроме стихов, пробует она себя в прозе, драматургии, публицистике и даже критике. Но, в первую и главную очередь, она, конечно же, поэт со своей неповторимой индивидуальностью.

В поэзию Ольга Киевская входила по разным причинам со значительным опозданием, зато настолько стремительно, мощно и уверенно, что дало повод одному из первых литературных наставников Киевской новосибирскому поэту Евгению Мартышеву сравнить ее восхождение с вертикальным взлетом морского истребителя с палубы авианосца.

Взлет продолжается. Но и высоты покорены за сравнительно короткий срок немалые. И это побуждает уже сейчас подвести некоторые предварительные итоги поэтической работы талантливой поэтессы, осмыслить и оценить ее как незаурядное явление современной поэзии.

Что и попытаемся мы сделать в предлагаемом очерке творческой судьбы Ольги Киевской.

1. Откуда «есть пошла»

Так получилось, что об Ольге Киевской я тоже узнал с большим запозданием. К тому времени у нее «за душой» было уже пять сборников с несколькими сотнями стихотворений, многочисленные публикации в прессе, коллективных сборниках, альманахах и журналах, участие в различных поэтических конкурсах и фестивалях. Ее выступления звучали по радио и телевидению, в библиотеках и домах культуры. На ее слова написаны песни. С ее творчеством знакомы не только любители поэзии Новосибирска, но и Москвы, Петербурга, Рязани, Иркутска, Кемерово... А в 2011 году Ольга Киевская была принята в члены Союза писателей России.

Меня же с ее поэзией свел случай. В 2012 году я в качестве ведущего редактора готовил очередной номер альманаха «Синильга» (приложение к «Сибирским огням»). Номер в основном был сформирован. Но в поэтическом разделе не хватало крепкой подборки, гвоздя, так сказать. Из того, что имелось на тот момент в редакционном портфеле, ее было не слепить. Я зашел в Новосибирскую писательскую организацию. Начинающие (и не только) авторы частенько оставляли здесь в дар свои свежее испеченные книжки. На глаза мне попался красиво оформленный томик стихов совершенно неизвестной мне Ольги Киевской под названием «Хворост надежд». Я повертел его в руках. С оборота глянцевого переплета брызнули пронзительной изумрудной зеленью незнакомые глаза, глядевшие на меня из-под пышно взбитой огненного окраса прически. (Эту деталь внешности поэтесса запечатлел и в одном из своих стихов — «...факелом огненно-красных волос ночь прорезаю»).

Признаюсь, я с немалым предубеждением отношусь к книгам, которые выходят на авторские или, как правило, спонсорские средства. А сборники Киевской к таковым и относятся. Как сама говорит: «Заработала или взяла кредит — издалась». Но по большей части качество подобного «автоиздата» оставляет, мягко говоря, желать лучшего. Так что, открывая книгу «Хворост надежд», я не рассчитывал встретиться там с настоящей поэзией. И сразу же понял, что ошибся...

Подборку для альманаха я составил, хотя пришлось нелегко по причине того, что из обилия хорошего выбирать лучшее всегда трудно. Стихи Киевской были опубликованы («Синильга», 2012, №5), а я решил продолжить знакомство с ее творчеством. И чем дальше оно продолжалось, тем больше убеждался в несомненной талантливости и самобытности этой поэтессы.

Но откуда она «есть пошла» и почему так долго всходила ее звезда, которая на поэтическом небосклоне засияла лишь в «нулевые» годы, когда за плечами Ольги Киевской было уже почти полувека прожитой жизни и более двух десятков лет, отданных совершенно, вроде бы, далекому от словесности делу, — медицине?

На своем немалом литературном веку я повидал много разного пишущего люда. Когда ведал поэтическим разделом журнала «Сибирские огни», ко мне в кабинет в числе прочих доморощенных стихотворцев нередко забредали пенсионеры. Они бережно клали на мой редакторский стол школьные тетрадошки, испещренные рифмованными столбиками, искательно заглядывали в глаза, а на вопрос, не поздно ли взялись за сочинительство, доверительно признавались, что раньше часто просто руки не доходили — работа, знаете ли, семейные заботы... Зато теперь, на «заслуженном отдыхе», когда появилось много свободного времени, можно и с Музой теснее «пообщаться».

Но это как раз не про Киевскую. С поэзией у нее отношения давние и серьезные, однако и путь к читателю оказался долог, непрост, хотя само вхождение в литературу было сродни стремительному прорыву. Что в стихотворении «**Ольга**» она и засвидетельствует: «*Мой верный читатель, стихов почитатель, // О как непомерно долго // Копила я силы...*», зато уж потом «*преданно, истово, птицей неистовой // Взлетела над книжной полкой...*».

А в том, что «засиделась», не заявила о себе гораздо раньше, была отчасти и ее собственная вина. Ведь чуть ли не с рождения (родилась в Новосибирске 3 июля 1957 года) все выдавало в ней натуру творческую и поэтическую. В школе легко усваивала гуманитарные предметы, увлекалась музыкой, театром, живописью. Сама рисовала, играла, декламировала, пела. Ну и, конечно, читала («*в стране страниц я с детства заблудилась*»). Читала много, запоем. А стихи и сказки Пушкина и вообще впитала, можно сказать, с молоком матери.

С течением времени в духовный мир Ольги входили все новые светила мировой поэзии — Шекспир, Есенин, Пастернак, Ахматова. Цветаева, Гумилев... — но первой поэтической любовью Киевской были стихи и поэмы Лермонтова — «Бородино», «Мцыри», «Нищий», «Я не унижусь пред тобою», оставшиеся на всю жизнь ее любимыми произведениями. Именно Михаил Юрьевич, признается она, и «пламенную страсть» к сочинительству в ней зажег, и дух страстной непокорности выпестовал. Неудивительно, что после знакомства с Лермонтовым испытывать сильные чувства и эмоции (пусть иногда и придуманные, навеянные книгами, театром или кино) стало для Ольги острой потребностью. (Из этого же истока, надо полагать, берет начало и та мощная энергетика, какой окажется пронизанной в будущем вся поэзия Киевской). И не просто испытывать, но и запечатлевать их в рифмованных строках.

А делать это Ольга начала задолго до того, как пошла в школу («*рифмы вирус обрела в раннем детстве я*»). Сначала «запечатлевала» рождавшиеся стихотворные строки в памяти. Но годам к десяти накопилось столько, что поневоле пришлось их записывать. Правда, тайком от родителей. Не потому, что они были против увлечения поэзией. Напротив, тягу и к ней, и к музыке, и вообще ко всем искусствам и творческим занятиям родители в своих детях поощряли. Когда у Ежовых (девичья фамилия Киевской) собирались гости, для них устраивали концерт, где сестры показывали свои таланты. Другое дело, что в повседневной жизни Николай Кириллович и Нина Акимовна дочерей своих воспитывали едва ли не в пуританской строгости. Слишком открытое проявление чувств и эмоций здесь не приветствовалось — в цене была сдержанность, а уж появление в столь юном возрасте первых поэтических фантазий на тему любви и вовсе расценивалось в лучшем случае как вопиющая нескромность. А потому о стихотворных опытах Ольга благоразумно помалкивала. Да и не собиралась она в поэтессы. Как, впрочем, и артистки. Убеждена была, что для этого надобны какие-то особые данные и таланты.

Рано осознать свое истинное поэтическое предназначение Ольге мешала и ее чрезмерная застенчивость. Долгое время она росла в тени старшей сестры Натальи, с которой у нее была разница в четыре года, и следовала за нею в детстве и юности, как нитка за иголкой. Обе с детства мечтали стать врачами. Так что на медицинскую стезю Ольга ступила легко. Тем более что по ней уже шла сестра. Вслед за Натальей после восьмого класса Ольга оказалась в том же самом Новосибирском областном медицинском училище №1, которое затем окончила, как и она, с отличием. А в 1977 году по сестринским стопам на лечебный факультет Новосибирского государственного мединститута. При распределении попросила направить ее в «скорую помощь», потому что сюда — опять же — на несколько лет раньше пришла работать сестра. Это свидетельствует о том, насколько сестры были близки по духу.

На «скорой» Киевская задержалась на два с лишним десятилетия. И ни разу не пожалела о выбранной профессии — такой необходимой и серьезной, благородной и гуманной. Тем более что изначально главной земной ценностью для Ольги был человек. А профессия врача помогала сохранить его жизнь и здоровье. За многие годы в медицине Киевская познала ее с разных сторон: была медсестрой, фельдшером, врачом выездной и кардиологической бригад, старшим врачом, заведовала одной из крупнейших районных подстанций «скорой помощи» в Новосибирске. И все время профессионально совершенствовалась и росла, защищая одну врачебную категорию за другой. Работа на

«скорой» Ольге нравилась своей динамичностью, не показной романтичностью, а подчас и непредсказуемостью. Но особенно радовало то, что, приходя на помощь людям, можно было практически сразу же видеть и результаты своего труда.

А что же стихи? Нет, первая любовь не забывалась, но оставалась втуне, почти не выходя на поверхность. О том, чтобы предложить свои стихи для публикации какому-то изданию, Ольга даже и не помышляла. Ведь лучше классиков, круг которых для нее все больше расширялся, все равно, как ей казалось, не написать. А раз так, то и не стоит. Более того, время от времени она даже сочинять себе запрещала. Да и тогдашнее окружение Киевской масла в огонь подливало: едва ли не в голос твердило, что поэзия — занятие недостойное, суесловное и пустое, не приносящее никаких дивидендов. Людей же с противоположным отношением к поэтическому творчеству рядом в то время практически не было. Приходилось вариться в собственном соку.

Существовала еще одна, глубоко личная причина ее долгого творческого «подполья». Еще в пору учебы Ольги в медицинском училище сестра, тогда студентка мединститута, стащила ее тетрадочку со стихами и показала однокурснику, начинающему поэту Юрию Овчинникову. А тот в суровом отзыве написал, что поэзии в прочитанных им стихах один процент, хотя, тем не менее, они ему все равно понравились. Юная поэтесса чувствовала себя задетой за живое. Тем более что сестра не упускала случая съязвить по поводу «одного процента». Удар был настолько силен, что на многие годы вперед отбил охоту показывать кому-либо свои сочинения. Обида со временем прошла, с поэтом тем Ольга впоследствии подружилась, но отзыв его без ответа не оставила. Через десятки лет в стихотворении «**1% поэзии**» она напишет:

Я вспоминаю эти строки до сих пор,
Упали с глаз наивности завесы:
Был занесен критический топор
Над головой несчастной поэтессы.

Ты обвинил меня во всех грехах,
И, упиваясь важностью момента,
Измерил ты в неопытных стихах
Поэзию — единственным процентом.

Не мил мне показался белый свет!
И чутко я прислушивалась к лире...
А было мне всего пятнадцать лет,
И ты постарше года на четыре.

Ну что поставить юности в укор?
Утихла боль скептического жала,
Обжалован был строгий приговор,
Всю жизнь тебе стихами возражала.

Ты росчерком пера меня задел,
И я теряюсь в поисках ответа:
Ну почему тогда не разглядел
Ты сердце стопроцентного поэта?

Вместе с тем «критический топор», как видно из того же стиха, отнюдь не погубил поэтессу. Напротив, стал хорошим побудительным мотивом и стимулом для дальнейшей куда более серьезной и ответственной творческой работы («*всю жизнь тебе стихами возражала*») по доказательству того, что бьется в ней «*сердце стопроцентного поэта*». В чем сегодня уже невозможно сомневаться.

Из затянувшегося поэтического «подполья» Ольга Киевская вышла в 2004 году, когда бывший «обидчик» привел ее в культурно-просветительский клуб «Этнос» при новосибирском Дворце культуры «Прогресс». Здесь она с головой окунулась в так не достававшую ей до сих пор творческую атмосферу, познакомилась со многими коллегами по перу, услышала и узнала, как пишут другие. Захотелось поделиться и собственными поэтическими опытами. Начались выступления, творческие общения. А дальше — и книги.

Первая — «**Мои неистовые птицы**» — появилась в 2005 году. В стихотворении «**Мой первый сборник держишь ты в руках...**» по поводу столь знаменательного для нее события как бы в пожелание самой себе Киевская писала:

Следы клейма божественно легки,
...Название книги жжет высокой пробой,
И в кровь, и в плоть впечатаны стихи.
Теперь оттуда вырвать их попробуй.

За первой книгой последовали сборники «**Два ангела**» (2006), «**Мышиный бархат верб**» (2008), «**Пирь ирониады**» (2009), «**Хворост надежд**» (2012). Параллельно с ними стихи Киевской появлялись в различных других печатных изданиях и СМИ. А со всем этим к ней приходило стремительно растущее читательское признание.

2. «Желаю стихами с Землей говорить»

Но вернемся еще раз к истокам поэтического существования Ольги Киевской.

Нетрудно догадаться о содержании стихов начинающей поэтессы. Конечно же, в первую очередь, — перипетии собственного бытия и любовь.

Впрочем, искать подробности личной жизни и биографии Киевской в ее стихах нет особого смысла. Хотя бы потому, что поэтессу всегда интересовала, по ее же выражению, «не биография тела, а биография души».

Так, практически не встретить в творчестве Киевской произведений, навеянных ее первой профессией, хотя в поэтике и стилистике ряда стихов, о чем ниже я еще скажу, медицинский отпечаток в определенной степени все же присутствует. К ранней поре своего существования она тоже обращается крайне редко. А стихи об этом вполне подходят под определение «биография души».

Утро выходного дня из далекого детства в стихотворении «**Воскресное утро**» ассоциируется у поэтессы с незабвенным «*запахом маминых блинов*». Но со временем, тоже став матерью, она, как бы продолжая семейную традицию, «*опару // Сама на кухне завожу, // Блины снимаю с пылу, с жару, // И деток ласково бужу*». Блины эти под пером Киевской становятся и связующей поколения нитью, и, пропитанным хлебным (истинно русским) духом символом краеугольного и «*щемяще сладкого*» понятия семья.

А вот едва ли не единственное у Киевской поэтическое воспоминание школьных лет. Пришел в класс новенький. «*И жидок был, и ростом мал*», зато, если надо, рвался в бой, «*бесстрашно, гордо и крылато*», «*а если силе уступал, // То духом все же не сдавался*». Этой духовной стойкостью поэтессе и запомнился, и проявился много позже в короткой стихотворной зарисовке «**Новенький**».

Вообще же, возвращение к «поре первоначальной» необходимо Киевской скорее для того, чтобы с высоты прожитого сопоставить ту прежнюю, с собой, нынешней, и что-то важное для себя уяснить. То, например, что если «*у детства на крыльце*» в одноименном стихотворении «*в кармане левом*» была «*целая «вечность»*», а в «*правом — миг*», то к зрелости «*карман, что слева — целый, // А справа — был дыряв*». Сполох детского воспоминания обретает поистине философский смысл.

В стихотворении «**Все дальше и дальше от детства уходим...**» тема эта развивается, окрашивается крепнущей осенней грустью стремительно и безвозвратно истаивающей жизни. И если на ее пороге казалось, что *«целая вечность ждала впереди»*, и захлестывала безрассудная гордость молодого превосходства над старостью, то со временем, когда ближе и ближе становился собственный *«отмеренный срок»*, все острее и беспощаднее понималось, как короток жизненный миг. Не успеешь оглянуться — и вот уже только шаг до вечного *«сиротства»* небытия.

Еще одно детское воспоминание запечатлено в стихотворении «**Лунный вкус**». Когда дети плохо ели, мама говорил: *«Хотите жареной луны?»*. Конечно, *«луна ж на стол не подавалась»*, зато

Она поэта воспитала,
Я к ней болезненно тянусь.
Не зря, должно быть, я пыталась
Луну попробовать на вкус.

А ведь, пожалуй, и смысл и движущая сила поэтической работы в том и состоят, чтобы пребывать в непреходящем поиске либо «аленького цветочка», либо «лунного вкуса» — то есть всего того необыкновенного и волшебного, что так недостает нам в обыденной жизни, и что делает поэзию, вообще искусство, по-настоящему прекрасным.

Стихотворчество Киевской автобиографичным не назовешь, хотя некоторые читатели и приписывают самой поэтессе поступки и чувства ее лирических героинь. Впрочем, какие-то очень важные моменты личной жизни Ольги Киевской в нем все же отражены. Рождение детей, например. В стихотворных посвящениях («**Дочке**», «**Сыну**») поэтесса признается, что они — ее лучшие произведения, а сама она с их появлением на свет *«вступила с гордостью и счастьем в прекрасное сословье матерей»*. Не сможет Ольга Киевская обойти молчанием и кончину той, кто дал ей жизнь, воспитал, поставил на ноги. И появляется пронизанная неутешной болью поэтическая эпитафия **«На смерть матери»**, где с глубокой горечью говорится об уходе самого близкого человека

Обмелело до дна кровеносное русло,
Корни легких объела зубастая боль.
Изглодала. Волчицей мне выгрызла душу,
Кровь лакала и жадно мусолила плоть,
Тонкой струйкою жизнь вытекала наружу,
Где ее поджидал сердобольный Господь...

Вот, пожалуй, и все, что в плане фактическом мы сможем из стихов Киевской узнать о внешних обстоятельствах ее личной жизни.

Однако, повторюсь, долгое время Ольга и не стремилась делать предметом творчества не только собственную, но и вообще жизнь вокруг, считая это малоинтересным занятием. Более того, когда Ольге однажды предложили написать стихи в стенгазету медучилища, она растерялась. Ведь все ее творческие устремления вращались вокруг любви. Других достойных тем для нее тогда не существовало. Но и любовь была еще не чем-то реальным и осязаемым, а скорей неким теоретическим инструментом, с помощью которого юная поэтесса постигала различные оттенки и извивы чувств, их зарождение и развитие. Процесс сей пока что оставался глубоко интимным, не для посторонних глаз, и к душевному обнажению Ольга еще не была готова.

Преодолеть этот барьер ей помогла преподавательница русского языка и литературы. Она поведала юной сочинительнице, что есть на свете стихотворцы, которые, посвящая любовной теме весь свой талант, достигают при этом высочайших поэтических вершин. И в качестве доказательства подарила томик Ахматовой.

Ольга открыла его и с первых же стихотворений была покорена ясной и чистой молитвой во славу Любви, очищающее воздействие которой она пронесет через всю жизнь. О том потрясающем ощущении впоследствии она напишет в стихотворении, посвященном Анне Андреевне:

Они со мной — любимейшие строки,
Их как святыню я в душе храню.
О, милые и милые уроки,
Как пробивать сердечную броню!

Они — сильней молитв и заклинаний,
И если я тоской поражена,
Во мне звучат слова полупризнаний
И музыка поэзии слышна...

Это ощущение закомплексованной и страшно сомневающейся девочке помогло тогда обрести веру в себя и свое поэтическое предназначение, а еще в то, что высоким божественным огнем любви к человеку и человечеству осияна вся поэзия.

Со временем веру эту укрепляли и другие мастера любовной лирики. В первую очередь Марина Цветаева, которой Ольга Киевская посвятила проникновенное стихотворение «**М.И. Цветаевой**», где сумела передать величие и драматизм судьбы выдающейся русской поэтессы. Но, выстраивая иерархию своих литературных пристрастий, в стихотворении «**Кого читать предпочитаю?**» Киевская все же уточнит: «*Да, я Цветаевой — пленяюсь, // Но на Ахматову молюсь*».

Лермонтов, Ахматова, Цветаева... Каждого из своих поэтических кумиров она запечатлеет в стихотворном портрете.

Что ж, ориентиры Ольга Киевская уже на пороге своего поэтического бытия выбрала очень серьезные и творческую планку подняла для себя чрезвычайно высоко. Что и не удивительно, если принять во внимание собственный ее максимализм и тягу к совершенству. Видимо, движимая ими в финале стихотворения «**Ольга**» она обещает своим читателям: «*С дуэтом святыней, // да, с Анной, Мариной // Сплет трио с чувством // Ольга!*» Несколько самонадеянно, наверное, но — время покажет. И стремиться к этому — не грех.

Есть, правда, и обратная сторона медали. В силу ужасной избитости любовной тематики всякое новое обращение к ней становится все труднее. Волей-неволей приходится задаваться сакраментальным вопросом — все сказано, все спето о любви, или ты можешь добавить что-то свое, увидеть хорошо знакомое свежим незамыленным глазом? И выразить не заемным поэтическим словом. Далеко не каждому стихотворцу отважившемуся окунуться в сферу интимных чувств и отношений сие под силу. Но именно на этом оселке и проверяется лучше всего величина и сила поэтического дарования.

Разумеется, стоял такой вопрос и перед начинающей поэтессой Ольгой Ежовой, еще не успевшей стать Киевской. Но я совершенно не уверен, что тогда, более трех десятков лет назад, ответ был бы не в ее пользу. Это подтверждают и пробы пера той поры — довольно гладкие, складные, но вполне бездымные стишки по большей части о любовных обидах и неразделенной любви, напрочь пока лишённые той яркости, красочности, энергии, оригинальной образности, которые появятся у Ольги много позже. Вот один из типичных образчиков ее тогдашней любовной лирики:

В который раз дожди прошелестели,
Но от тебя не жду я ничего.
Я не хочу любовь искать в постели
И быть рабыней сердца твоего...

Здесь без влияния знаменитого любовного морализатора шестидесятых годов Эдуарда Асадова (вспомним — «Как много тех, с кем можно лечь в постель, // Как мало тех, с кем хочется проснуться») явно не обошлось.

Наверное, и хорошо, что не решилась Ольга в те поры выйти на читательский суд. Время и копившийся жизненный опыт работали на нее, являясь и лучшим союзником, и катализатором поэтического созревания. Они формировали свой взгляд на окружающий мир, помогали глубже понимать и оценивать человеческие чувства и отношения.

Шло переосмысление и собственного стихотворчества в сторону серьезного профессионального занятия. Приходило понимание того, что к природной способности складывать слова в определенный ритмический узор необходимо еще знание законов стихосложения, владение поэтической техникой. И если талант — искра Божья, то возжигать из нее творческий пламень и добиваться того, чтобы горел он ярко и ровно, необходимо самому. А для этого много чего нужно: и желание, и умение, и упорство, и самоотверженность...

Поэтическое мастерство Киевская как старатель золотой песок намывала по крупицам сама, остальным же она обладала сполна. Потому и в поэзию в начале XXI века, пусть и с запозданием, она не вошла, а ворвалась, сразу же заявив о себе как о значительной творческой фигуре.

3. Что такое любовь...

Не будем, однако, голословны. Говоря словами Юрия Магалифа, «склоним же внимательное ухо» к стихам Ольги Киевской. К тем в первую очередь, что посвящены главному предмету ее поэзии, — любви.

Но что вообще такое в понимании лирической героини Киевской любовь?

Это и многомерное, неоднозначное, подчас и противоречивое состояние («*любовь — восторг, любовь — недуг*»). И вечно неутоленное желание, возвышеннее которого нет, прекраснейший напиток, которым, увы, «*впрок нельзя напиться*» («**Тебе я «нет» скажу в ответ...**»). В философском же плане — это некий божественный заменитель вечности («*Вечности взамен // Бог дал Любовь для продолженья рода*»), своего рода камертон и константа человеческого бытия, ибо по большому счету только любовь дает человеку в жизни подлинную устойчивость и самодостаточность.

А еще — игра, на которой как раз и строятся взаимоотношения мужчины и женщины в большинстве стихов Ольги Киевской. В любовных играх своих лирическая героиня то жертва, то захватчица, то победительница, то побежденная. Эту нескончаемую игру поэтесса сравнивает в стихотворении «**Кто кого**» с перетягиванием каната. Силы, в общем-то, равны, но ради сохранения любви лирическая героиня готова поддаться и пойти у любимого «на поводу». А то и демонстративно капитулировать («*перепета тобой, переиграна*»), как в стихотворении «**Влюблена, пленена, низложена...**», не чувствуя себя при этом фактически побежденной, поскольку сама себе предопределила сей сладкий плен.

«*Страстный непокой*» — вот нормальное состояние лирической героини Ольги Киевской. Ей не в диковину «*играть с огнем*» и жить «*на грани можно и нельзя*». Она обожает «*преlestь риска*». Да и сама любовь для нее иной раз — это рискованный подъем по зыбкой «*лестнице желаний*». Но, как очередной раз признается лирическая героиня в стихотворении «**Ты высоко, мой милый, мой желанный...**», ей «*по сердцу опасная игра, // В которой нет — ни завтра, ни вчера*». Потому и отношения с возлюбленным для нее бывают, с одной стороны, как «*сердцу молчаливый приговор*», а с другой — «*высшая смертельная награда*». А в объятиях опытного охотника за женскими сердцами («**Я**

говору вам строго...») владеет ею удивительное — хоть и страшное, но и сладкое одновременно — ощущение жертвы в лапах хищника:

В укусах страсти лишь вздыхаю хрипло,
Качаюсь на слабеющих ногах...
И чувствую, что все-таки погибла.
Но сладок привкус крови на губах».

В любовной игре героине Киевской претит, пожалуй, только одно — бездушный холод. Он для нее страшнее и опаснее всего. Так, скажем, драма походя и равнодушно сломанной любви в стихотворении **«Дождями жар июльский сбит...»** потому и случилась, что за привлекательной внешностью возлюбленного крылась душевная пустота (*«А ты — мучительно красив, // И так мучительно бездушен»*). Нечто подобное происходит и в стихотворении **«Как две свечи, мы вспыхнули когда-то...»**:

Себя вы сберегли, недолго тлели,
Не подарив ни света, ни тепла.
Во мне же слезы горькие кипели,
Расплавили, сожгли почти дотла.

Лед и пламень, сжигающая страсть, огонь души и сердечный холод — мотив многих стихов Киевской. И все они пронизаны мыслью, что любовь и холодный рассудок несовместимы, а *«в здравых рассужденьях о любви // Преуспевает тот, кто сам не любит»*. Более того, в стихотворении **«Как мудро говорит мой визави...»** поэтесса даже настаивает на том, что любовь — это род безумия:

Сойди с ума, ревнуй, заставь тонуть
Во тьме твоих зрачков непоправимо.
Безумие — вот истинная суть
Большого чувства. Я пойму: «Любима».

Сама же лирическая героиня Ольги Киевской — натура горячо страстная, пылкая, чувственная, эмоциональная, темпераментная, полная душевного огня. Недаром же в стихотворении **«Я — Жозефина»** она заявляет: *«...Я — страстей клубок»*. В ней нет места эгоистично *«взлелеянному равнодушию»*. Зато важна любая мелочь в любимом человеке — даже его *«дыханье»*, которое она после свидания *«домой торжественно несла»* (**«Воздушный шарик»**). И она не созерцательница любовного процесса, а активный и полнокровный его участник. В чем легко убедиться в, частности, в стихотворениях **«Влюбляюсь»** или **«Люби меня, люби...»**:

Люби меня, люби. Мне поцелуя — мало.
Люби меня в ночи, люби при свете дня,
Чтоб сладко поняла, чтоб горько осознала:
Никто и никогда так не любил меня.
Люби меня, люби — то холодно, то страстно,
На россыпь ласк твоих уже запрета нет.
Прижми к своей груди бесповоротно властно.
Заполни собой. Затми весь белый свет...

Полная самоотдача любовному чувству и душевная обнаженность лирической героини «провоцирует», в свою очередь, такой вот поистине оргазматический финал любовной игры с бурным извержением чувственной лавы.

Вместе с тем лирическая героиня Ольги Киевской — натура своенравная и противоречивая, от которой можно ждать разных сюрпризов. О чем, впрочем, она и открыто предупреждает:

Мужскою властью дорожу,
Но честно предостерегаю:
Я от постылых — уйду,
А от любимых — убегаю.
(«Одалиска»)

А в стихотворении «**Катастрофа**» пафосно декларирует: «Я — женщина!» — Но тут же спешит уточнить, что она за женщина: — *Опасная стихия. // Во мне замес всех ангелов и бестий, // И я покруче всех стихийных бедствий... И мне подходит имя — КАТАСТРОФА*».

Помнится, когда-то героиня другой нашей сибирской поэтессы Нелли Закусиной тоже гордо заявляла: «Я — женщина!» — Но то была совсем иная женщина: — И мой полет так прост: // от тихого гнезда // до дальних звезд». Не собираюсь сталкивать эти два разных женских образа лбами. Каждый имеет полное право на собственное существование. А кому уж какой ближе и милей — дело вкуса и пристрастий. Но сходны оба они своей неоднозначностью.

«Я — многолика», — подчеркивает Киевская в одноименном стихотворении, главную, пожалуй, особенность своей лирической героини. В том ее и самобытность, и прелесть. Но и сложность для возлюбленного, не знающего, как к этой многоликости относиться. Рецепт же, полагает поэтесса, прост: «*Люби, какая есть*».

Чем больше погружаешься в глубины интимной лирики Ольги Киевской, тем сильнее проникаешься ее уверенностью, что вариации любовной игры бесконечны. Как шахматные комбинации. С той лишь, пожалуй, разницей, что шахматы — игра, все-таки, скорей ума и рассудка, а не души и чувств. С другой стороны, любой игре противопоказана прямолинейность и однозначность. Чем изощреннее и неожиданней ее коллизии, тоньше полутона и оттенки, тем она интереснее. «*Игра, — утверждает Киевская в стихотворении «Игра с огнем», — должна быть незаметна*», но при этом «*вывод ясен и глубок*». Что достаточно успешно и демонстрирует во многих стихах о любви.

Правда, весьма последовательно придерживаясь концепции «любовь — игра», Киевская и не стремится к точному воспроизведению и отображению реальности. Игра этого и не предполагает. Она уже по определению по другую сторону реальности, а потому моделирует реальность собственную. Как это чаще всего и делает Киевская, для которой куда более интересно не развитие уже возникших чувств и отношений, а их зарождение, предощущение и собственное истолкование их возможного развития. Это не совсем в традициях поэтического реализма, но вполне в духе стихотворцев «серебряного века» (от Блока до Ахматовой и Гумилева), чьи мотивы и отголоски в поэзии Киевской достаточно явственны.

Позиционируя любовь как игру, поэтесса, в то же время, предостерегает: безоглядная вера в собственные рукотворные любовные миражи, красивые иллюзии и фантомы любовного чувства чреваты душевным крахом («**А ты растил свой храм любви**»). И отмечает «побочный эффект», возникающий при чрезмерном увлечении любовной игрой: «*Сон прекрасный — за явь принимаю, // А реальную жизнь — за убогий кошмар*» («**Ты сегодня мне снился...**»).

Также вполне определено в «*акте лицедействия*» отмежевывает Ольга Киевская любовь от «*прелюбодейства*». Как происходит это в стихотворении «**Стойка бара — ваш приход...**». «*Ваши очи — жгучий йод. Две черешенки*», — подчеркивает поэтесса мужскую привлекательность его героя. Однако тут же и отмечает: — «*Только в них недостает сумасшедшинки*». «Сумасшедшинки» истинного чувства, одухотворенности,

делающей любовь «прекрасным недугом». Но если в предыдущем стихе автору хватило одного точного выразительного штриха, чтобы расставить точки над «і», то более раннее стихотворение «Путана» грешит прямолинейной назидательностью и обличительной риторикой, выраженных в соответствующих штампах.

К счастью, таких произведений в любовной лирике Киевской мало и совсем не они ее характеризуют.

А вот откровенным женским началом большая часть поэзии Ольги Киевской действительно характерна.

Так, истинно женский взгляд на проблему супружеской верности демонстрируется в стихотворении «Свобода или брак?..»: «Червь любопытства их (мужчин — А.Г.) подтачивает верность», но при этом, уверяет автор, мужчинам мало ввергнуть женщину «в пучину прегрешенья», им «хочется к тому же еще увидеть как» она в нее будет падать. Такова, по мнению поэтессы, природа и психология мужской неверности. Вопрос в том — только ли мужской? А вот как иронично определяет Киевская в одной из своих поэтических миниатюр кокетство: «Что есть кокетство? Не любить, // Дразнить с лукавой миной, // И добродетельно быть, // Не будучи невинной». И кокетку, чей девиз — «на все века — // Не всё, не всем и не всегда». Ни прибавить, как говорится, ни убавить...

Черты женской природы Ольге Киевской удается подмечать зорче и точнее. Что и понятно. Но и о мужчинах у нее немало любопытных, опять же, чисто женских, а потому, наверное, и особенно интересных читателям противоположного пола наблюдений. Вот как видит она, к примеру, соподчинительную связь мужчины и женщины в стихотворении «Нет ничего опаснее мужчин...». С одной стороны, «мужское сердце — нищего сума, // Да только слух волнует обещанье», а с другой, и женщина как тот кот Васька «слушает да ест», поскольку «самый благодарный мой девиз: // «Всех соблазнив, никем не соблазниться!» Не менее остроумно о той же двуполой связке пишет Киевская в стихотворении «Кто такой мужчина?». Если «мужчина — «победитель», «грозная машина подавления», то «женщине положено сдаваться», ибо «сущность женская — горизонталь». Но, следует шутовское авторское предостережение, и на старуху бывает проруха: мужчина-танк рискует напороться на женщину-мину. В иронической же сентенции на тему различия полов грань между ними поэтесса усматривает в том, что «мужчину нужно убеждать, // А женщину — упрашивать».

Иронией окрашены многие поэтические произведения Киевской. Ироничность становится заметной и важной чертой ее поэтики, действенным средством художественной выразительности.

Что касается женского начала, то Ольга Киевская не только не чурается и не отрешивается от него, как некоторые поэтессы, а и отстаивает (в этом отношении она, опять же, очень близка к Нелли Закусиной): «Но даже рифма, милый мой, — говорит Киевская собрату-поэту, — бывает женской и мужской». И напоминает: «Ведь Женщиной является к нам Муза, // Ну, а Пегас — крылатым жеребцом». А еще с вызовом заявляет, что она-то по-мужски написать сможет, а вот «мужикам... слабо по-бабы написать».

Вообще же, по большому счету, Ольга Киевская убеждена в равенстве женского и мужского начал («а попристальнее глянь — равноценны Инь и Янь»). Поэтому и обращается к коллегам по творческому цеху с манифестом:

Поэты, присягаю на крови,
Как яркий представитель женской нации,
В поэзии, работе и любви
Я — против половой дискриминации!

Тем же, кто все-таки пытается делить поэзию по половому признаку, она отвечает: «*поэты все — гермафродиты*», а поэзия «*всегда — обоюпола*». С чем трудно не согласиться.

А заодно усомниться в том, что Ольга Киевская, как назвал ее Евгений Мартышев, — «отчаянная феминистка». Да она и сама категорически против: «*Не жрица я, не жертва феминизма, // Внушают мне мужчины пиетет...*» («**Не все поэты рупоры державы...**»). Киевская и в жизни остается «*ярким представителем женской нации*». «Я — за патриархат и домострой, — говорит она. — В семье мудрые женщины на права мужчин не посягают».

Другое дело, что женщина не хуже мужчины способна чувствовать, мыслить, творить, что, собственно, Киевская в процитированном выше «манифесте» и декларирует (с чем действительно не поспоришь), и большинством своих поэтических произведений убедительно подтверждает. А убедительно потому, прежде всего, что, обладая развитым художественным воображением, она умеет находить каждый раз свежие краски, образы, новые повороты и коллизии лирического действия, «цепляющие» читательское внимание.

Взять хотя бы старую, как мир, коллизию расставания влюбленных. В образно-поэтической интерпретации Ольги Киевской («**Зеркало**») она весьма небанальна. Возлюбленный ушел к другой — и лирическая героиня ему вослед «*глаз твоих проклятое клеймо // С памяти стираю осторожно, // Словно отражение с трюмо*». В стихотворении «**Она ушла и не вернулась**» противоположная ситуация, драматизм которой отображает уже целая россыпь красивых оригинальных образов. Возлюбленная ушла, и «*на часах две стрелки стали — подобием секир*». Графически и зрительно четкий образ этот хорошо подчеркивает психологическое состояние героя стиха. Примером удачной аллитерации могут служить строки этого же стихотворения: «*Добротной вязью византийской // Вязали по рукам*». Очень живописны здесь и «*арабески танцующих стрекоз*», которые «*изячно висли*» «*над букетом роз*», и «*в глазах фиалковых*» которых «*метался потусторонний свет*».

Впрочем, Киевская не всегда тяготеет к образности непременно красочной, живописной. Куда важнее для нее, чтобы образ четко и внятно доносил поэтическую мысль. И, оказывается, обычный кусочек масла может выразить ее несколько не хуже, чем какая-нибудь цветистая метафора. Как и происходит это в стихотворении «**Сопернице**». «*Скользнуло счастье кусочком масла // В чужую чашу, в чужую кашу*». Но, предупреждает соперницу лирическая героиня, масло чужого счастья, оказавшись в чужой тарелке, может оказаться прогорклым.

Однако и метафоры в поэтике Киевской играют не последнюю роль. Скажем, стихотворение «**Схожу с ума, рассудку изменяя...**», вполне возможно, не вышло бы за рамки банального перепева расхожего в интимной лирике мотива «я от любви схожу с ума», если бы в основу конструкции этого произведения поэтесса не положила череду метафорических сравнений, прекрасно передающих высочайший эмоциональный накал и пограничную страсть любовного чувства.

Не прочь Ольга Киевская поиграть и метафорическими образами глобального масштаба. В стихотворении «**Гляжу в окно на звездное кружение...**» любовная драма двух антиподов разворачивается в интерьере ночного звездного бытия. «*Не встретимся. Мы — разные планеты, // С безжалостных орбит нам не сойти*, — убеждена лирическая героиня. Но даже если и случится невероятное, то все равно: — *Ты можешь стать причиной катастрофы, // Но Спутником не станешь никогда*». И в продолжение темы любовной несовместимости в стихотворении «**В диадеме земной бытия...**» Ольга Киевская с чеканной афористичностью скажет: «*Есть звезда под названием «Я» // Есть звезда под названием «Ты*», но «*нет звезды под названием «Мы*».

За три десятилетия до Киевской Нелли Закусина о том же самом скажет:

Предчувствие мое и радостно и тленно.

И тягостно душе, хотя шаги легки...
Пока не рядом мы — нас двое во вселенной.
А встретимся, пойдем: о, как мы далеки!

В арсенале художественных приемов Ольги Киевской имеется и такой весьма эффектный, как неожиданные или парадоксальные концовки, благодаря которым ее стихи превращаются в настоящие поэтические новеллы. В стихотворении **«Мой друг, себе в угоду...»** лирическая героиня клянется, что не посягнет на свободу возлюбленного, не потребует внимания и взаимопонимания, душевных затрат и наград. Но... взамен всего этого просит в финале: *«Позволь одну лишь малость — // Покой твой унести»*. И неожиданной просьбой этой по существу дезавуирует свои обещания, ибо свобода без душевного покоя мало чего стоит. Традиционное противостояние *его* и *ее* видим мы и в стихотворении **«Догадка»**. Всем *он* хорош, в нем *«есть всё: и соль, и мед»*. Но, заключает лирическая героиня в финале, одного не достает его *«строптивой гордой шее — // Петли // Моих сплетенных рук»*.

Лирика Ольги Киевской очень разнообразна. В том числе ритмично, интонационно. Поэтесса охотно пробует себя в разных поэтических параметрах. Одинаково комфортно чувствует она себя и в жестком каркасе сонета, и в фольклорной стилизации, и романсовой стихии. Может заговорить она от лица противоположного пола. А то и устроить диалог между *ним* и *ею*. Киевской не составляет большого труда окунуться в атмосферу светских балов девятнадцатого столетия с «дерзкими гусарами», почувствовать и передать аромат той далекой эпохи. Прочтите в этой связи хотя бы ее **«Камею»**. Правда, в целом данная вещь (то ли поэма, то ли «собрание пестрых глав») довольно путана, сумбурна и вызывает ощущение скорее черновых набросков, нежели действительно законченного произведения.

Есть у Киевской и стихи-подражания. Но это не слепое копирование или эпигонство. Примеряя на себя поэтику и манеру предшественников, поэтесса обязательно привносит и что-то свое. В сущности, для нее это один из видов поэтической учебы. Хотя, вспомним, в поэзии XIX века «подражания» были самостоятельным поэтическим жанром, и весьма даже распространенным, которым не чурались самые известные стихотворцы того времени, начиная с Пушкина. Так что, с другой стороны, Киевская как бы продолжает традицию.

Стремясь к ясному и точному выражению поэтической мысли, Ольга Киевская вместе с тем много внимания уделяет формальным поискам, которые в любовной ее лирике, пожалуй, особенно заметны. Она экспериментирует, то словом играя, то рифмой... Но не забывает при том о гармонии формы и содержания. Благодаря чему достигает ощутимого художественного эффекта.

Как в стихотворении **«А я хотела — чтоб любили»**, где использован такой весьма экзотический способ рифмовки, как глагольный монорим, который усиливает и подчеркивает проходящую рефреном мысль произведения — *«а я хотела, чтоб любили»*. Лирической героине стихотворения мало, чтобы ее *«зачали и родили»*, *«растили и лепили»*, *«воспитывали и учили»*, друзья *«честно льстили»* и клялись в верности, *«мужчины ласково манили»*, а поэты-коллеги *«венком лавровым наградили»*. Больше всего этого вместе взятого, необходимо ей для душевной устойчивости и самодостаточности — *«чтоб любили»*. Да и ей ли одной. Редко кто, наверное, этого бы не хотел. В том числе и сами поэты, жаждущие читательской любви.

Бывает, что в экспериментаторском запале Ольга Киевская смешивает в одном флаконе ингредиенты и вовсе, на первый взгляд, трудно сочетаемые. Так, в стихотворении **«Заблудилась в первый раз...»** фольклорная стихия соседствует с лингвистической терминологией, а сам этот коктейль приправлен ироническим соусом. Героине стиха никак не удастся найти способ выражения возлюбленному своих чувств (*«где глагол*

горячий взять, // Чтоб допечь его?»), а тот, в свою очередь, никак о них не может догадаться:

Жажду я пьянящих встреч,
Словно гость — вина,
Но его прямая речь
Очень косвенна.
Поцелуй его, как дым,
Стал автографом,
Криптограммой, золотым
Иероглифом.

В итоге — весело, остроумно, озорно. И показательно. В том смысле, что дело не в ингредиентах как таковых, а в способностях и фантазии поэтического «бармена».

Можно еще много говорить о художественных поисках Ольги Киевской (я и сам к тому разговору вернусь), но не грех и читательское мнение узнать, благо им поэтесса не обделена, о чем говорят хотя бы отклики на ее творчество в Интернете. А один из почитателей таланта Ольги Киевской в своем оригинальном поэтическом отзыве на сборник «Мышиный бархат верб», отмечая и подчеркивая высокий уровень сложности техники стихосложения поэтессы, пишет:

Уронил себя я в томик Ольги Киевской.
Да и трудно было бы не уронить.
Есть куда. Эмфаза, глосса и метафора
Ярким высверком гремят со всех сторон,
И читателя уносят вместе с автором
А аллюзивно-гротескной оксюморон.
И синекдохи забиты парадигмами,
Оживая в перекрестье идиом.
Да какие ж это силы ею двигали?!
Кто-то ж вел. И кто-то был ведом!..

(В. Черемисин)

А двигали Ольгой Киевской, наверное, огромная любовь к поэзии и неутолимая жажда поэтического самовыражения.

С темой любви Ольга Киевская входила в поэзию. Она и в дальнейшем будет у нее магистральной. Но с приходом понимания, что монотемность ограничивает творческие пределы художника, тематический диапазон поэтессы начнет быстро расширяться. И уже в первой книге Киевская заявляет себя автором не только интимной лирики, но и показывает, что говорить поэтической строкой она может, в принципе, о чем угодно — даже о таких, казалось бы, очень далеких от нее вещах, как кончина католического понтифика («На смерть Иоанна Павла II»).

Само же понимание это сформировалось у Киевской в начале «нулевых» годов, когда перестала она вариться в собственном соку. Чему в значительной степени способствовал ее приход в 2004 году в культурно-просветительский клуб «Этнос» при новосибирском ДК «Прогресс». Царившая здесь атмосфера искусства, в которой органично уживались поэзия, музыка и живопись, не могла не отразиться и на Ольге Киевской, переживавшей в это время настоящий творческий всплеск. Сказалось и очное знакомство в стенах клуба со многими талантливыми людьми, и в первую очередь с некоторыми профессиональными поэтами родного города — Н. Созиновой, Н. Закусиной, Е. Мартышевым, Г. Прашкевичем... Теперь она знала, как пишут другие поэты-земляки, что помогало ей объективнее и критичнее относиться к себе самой.

4. Раящая красота природы

Ну а расширение тематического диапазона пошло у Ольги Киевской со стихов о природе. В работе над первой книгой оказалось, что их в сборнике очень не хватает. Ольга бросилась устранять дисбаланс. Новая тема оказалась настолько интересной и увлекательной, что стихи о природе стали в дальнейшем неотъемлемой частью ее творчества.

Многие века поэты воспевали непреходящую красоту природы, рассветы и закаты, звездные и лунные ночи, запечатлевали времена года и капризы погоды, поля, леса, реки и горы... Поэтому в пейзажной лирике, как и в интимной, сказать что-то новое и по-новому становится все труднее. Чрезвычайно велика опасность перепевов, художественной невыразительности, штампов. К счастью, всего этого Ольге Киевской в стихах о природе, как и в интимной лирике, удастся по большей части избежать, поскольку и здесь помогает ей обостренное чутье новизны, способность в хорошо знакомом видеть необычайное, плюс просто феерическая иной раз фантазия.

Значительная часть стихов о природе у Ольги Киевской посвящена временам года.

Вот зима. У поэтессы она предстает то в образе вышивальщицы, которая *«села... за пальцы»* создавать рукотворный зимний пейзаж *«ледяной иголкой»* (**«Вышивальщица-зима»**), то в облике *«леди Зимы»*, что *«с улыбкой идет ледяною»*, а за ней спешит ею же *«вскормленный клан: // Гончие вьюги, цепные метели, // Борзый буран»* (**«Мерзнут березы студеной порою...»**), то ткачихи. В предновогоднем этюде **«Зимушка-ткачиха...»** зима не только зрима, но и, можно сказать, обонятельна. С одной стороны — это «остро-хвойный запах» принесенной в дом новогодней елки, а с другой — аромат цедры, исходящий от мандаринов на праздничном столе, пропитавший праздник, отчего даже месяц на небе кажется «долькой мандарина». А в зарисовке (**«Вот знатный месяц князем...»**) он принимает уже образ *«сиятельного вельможи»*.

Киевская вообще любит строить свои стихи на ярких, сквозных стержневых образах. Проявляется эта любовь и в ее этюдах о природе. К примеру, в стихотворении **«Мир дожил до холодов...»** в качестве такового выступает морозный куржак, от которого *«лики стылые домов стали бородачи»*, *«снежной пеною полны помазки березок»*, и *«ждет седой заросший лес марта-брадобрея»*. В зарисовке **«Зимний воздух хрупок, звонок...»** морозное утро *«жжет острее перца чили»* и главной, очень живописной и зримой его приметой становятся *«люди — зябкие моллюски»*, которые *«прячут в раковины шуб // Тел напрягшиеся сгустки // И сирень замерзших губ»*. В стихотворении же **«Береза и ветер»**, наблюдая за ветром, гнущим молодую беспомощную березу, лирическая героиня сравнивает его с бесстыдным насильником, из-за которого *«всю зиму надломленной березе // Стыть под окном поруганной невестой»*.

А вот смену времен года Киевская передает в оригинальных образных жанровых сценках. В одной (**«Неотразимая зима...»**) для вступления в свои права, зима побеждает на дуэли осень — *«осенний выстрел холостой! // Готовьте шубы, секунданты!»*, в другой (**«Зиме — конец. Беглянку к стенке...»**) уже сама зима повержена идущей ей на смену весной — *«зима расстрелянной дворянкой // Осела в слякотную грязь»*. А в стихотворении **«Это ж надо такому случиться!..»** момент перехода осени в зиму изображен поэтессой и вовсе экзотично — осень *«рыскала рыжей волчицей»*, но однажды студеной тьмою *«ощенилась брюхатая осень // Недопеском по кличке «Зима»*.

Зимние (да и не только) пейзажи Ольги Киевской импрессионистичны, находятся подчас на зыбкой грани волшебства и реальности. Как, скажем, картина предутреннего часа, запечатленная в стихотворении **«В плену морозного дыхания...»**, когда все в морозном воздухе в дымчатых полутонах и зыбких фантазмагорических оттенках, подчеркивающих прелесть и поэтичность момента:

Рассвета огненные версты
Я прохожу. Шаги — тихи.
Как обреченно вянут звезды!
Как зреют яростно стихи!

Да и многие другие пейзажи Киевской («**Качал серебряный туман...**», «**Мне пыльца цветочная на коже...**», **Эолу, Радуга**, «**Из тусклой амфоры луны...**» и др.) явлены читателю на этой тончайшей грани яви и волшебства. Причем некоторые из них («**В моем саду вечерняя заря**», например) словно и не пером поэта, а кистью художника писаны, и точно выражают душевное состояние человека, тонко чувствующего и воспринимающего окружающий мир и способного даже ловить «*душой промозглый скрип замочных скважин*» («**Январь простуженный охрип...**»).

Тему времен года продолжают «весенние» стихи. И в каждом — новый, не повторяющийся лик этой поры, со своими красками, образами и сопоставлениями. В стихотворении «**Весеннею порою...**» она ассоциируется с вымокшей под морозящим дождем женщиной, у которой «*по лицу фасада // Течет ручьями тушь*». Образ весны в одноименном этюде нанизан на стержень иронично-политизированной метафоры — «*заговорщицы-весны*», бунтующей против зимы. А в зарисовке «**Эй, очнитесь ото сна...**» предстает уже в фольклорном образе («*ходит бражница-весна с братиной по кругу*»).

Средства художественного выражения тоже разнообразны. Жизнерадостная картина весеннего пробуждения природы в «**Птичьим базаре**» передана через «*гомон птичьего базара*» («*Пернатые купцы не покупились — // Хвалу воздали чуду мирозданья; // И высотой полета расплатились, // И звонкою монетой щебетанья*»). Но, оказывается, середину весны можно, как в стихотворении «**Апрель**», связать (что тоже весьма неожиданно и оригинально) и с полиграфическими ассоциациями («*морось катится курсивом // По страничной полосе*», или «*мальчик — ласковый апрель // Легкой свежести весенней набивает нонпарель*»).

А вот весенняя картина в стихотворении «**Мышиный бархат верб...**» настолько же живописна, насколько и мелодична. По сути это красивый романс в стиле ретро. Напоминает он «Напрасные слова» Л. Рубальской («напрасные слова // виньетка ложной сути...») в исполнении А. Малинина. Даже мелодия та же просится. У Киевской, правда, русский дух погуще. Особенно во второй половине стиха, из-за чего как-то и про весну забываешь. Пейзажная зарисовка переходит в панегирик «*воздевшей к небу крест*» Руси, навевающий на фоне «*апрельских облаков*» «*святую грусть*».

Звуками, красками, запахами сочными образами наполнены пейзажи Ольги Киевской. Она умеет видеть, слышать, осязать природу в тончайших оттенках ее бытия. «*Крошечный лютик забавно сопит // В люльке бутона*», — читаем в стихотворении «**Слушаю лето**». В другом же («**Пора дождливая полна...**») — дождливый вечер «*рассыпается*» как «*зурна зерном невыразимых звуков*». Поэтессе хватает нескольких точных оригинальных и колоритных образных мазков, чтобы нарисовать выразительную картину либо летнего дня — «*отстучали морзянку*» дятлы, «*жаворонки... все ванильное суфле облаков склевали*», а «*забияка-небосвод // Бьет в мое оконце // И мечтательно сосет // Карамельку солнца*» («**Позабыла я о сне...**»), либо ветреного дождливого вечера — «*Весь вечер ветер клены гнул, // Низвергнув клевер на лопатки, // И одуванчиков задул // Светлоголовые лампадки*» («**Пора дождливая полна**»), либо июльской жары («**Прогнозы**»).

А в этюде «**Открытие**», выйдя спозаранок к пруду, лирическая героиня видит высунувшую нос жабу в предвкушении стрекоз, жука-плавунца, еще не проснувшиеся кувшинки... И эту самую обыденную и хорошо знакомую жизнь природного круга автору удается запечатлеть без всяких «художественных излишеств», но в то же время душевно и поэтично. Да, но почему «открытие»? Да потому, наверное, что лирической героине открылась великая истина: чем ближе и родней человеку природа, тем она прекраснее и возвышенней.

Своих поэтических «открытий» в пейзажах Киевской немало. И это несмотря на то, что поэтесса вынуждена идти проторенными, а то и накатанными до блеска путями.

Уж чье только стило со времен Федора Ивановича Тютчева не изображало огнеликую грозу! Однако Киевская сумела не повториться и создать свой запоминающийся «грозовой» пейзаж, на котором мы видим, как *«мгновенно неба скорлупа // Покрылась трещинами молний» («У непогоды свой черед...»)*, и слышим грохот грома, как выстрел из гигантского ружья, дуло которого упирается в *«серебряный висок»* луны (*«Горит закат зловеще...»*).

Та же история с летним ночным небом. Только ленивый не выражал свой восторг, заглядывая в его звездные и лунные глубины. Ольга Киевская тоже отважилась это сделать и смогла увидеть там нечто совершенно свое, собственным взором. Да еще и предложить читателям целую россыпь оригинальных поэтических вариантов увиденного. В одном из них (*«Упала лунная мантилья...»*), рисуя ночь над рекой, небосвод *«прибит» «гвоздями звезд»*, как распятый мученик, в другом (*«Звездочет»*) лирическая героиня с улыбкой представляет себя звездочетом который ведет *«счет на звезды от нуля // И до бесконечности»*. Лунный пейзаж в третьем (*«Когда луна уютно ткнется...»*), говоря словами одного из читателей Ольги Киевской, «полон ночных шорохов и сказочных призраков, таящихся в темноте».

В зарисовке *«Ночь исцелована стихами...»* лунная ночь *«от наслаждения дрожит»* и вызывает у поэтессы поистине космогонические ощущения, которые она выражает с соответствующей моменту «космической» метафоричностью. Еще более впечатляющая картина вечно обновляющегося единого бесконечного бытия предстает читателю в стихотворении *«Отцвел заката розовый вереск...»*. Лирическая героиня не может сомкнуть глаз, на берегу реки, *«брюхатой ночи наблюдая нерест»*, мечущей как *«раненый лосось»* звезды:

Торжественно задумаюсь о чуде.
Вода и небо намертво слились:
Икра мерцает в царственном сосуде —
В ней жизни свет и Будущего жизнь.

А вот рождение восхода поэтесса уподобила в одноименном этюде поджогу *«от факелов божественной Гекаты»*.

В стихотворении *«Кто подтянул повыше у берегов ботфорты?...»* картина предутренней поры настолько же космогонична, насколько и эротична. Приход рассвета, его овладение ночью ассоциируется здесь с лишением девственности девушки, которая хоть и страшится того, что должно произойти, но внутренне, как к неизбежному, уже готова:

Девственность ночи будто выдана на закланье,
Я наблюдаю в страхе выросшее желанье.
Шепот любовный, томный вдруг различают уши,
Гордо восстал в тумане грозный рассвет набухший.
Он к своему блаженству мерно дорогу точит,
И раскрывает дерзко тесные створки ночи,
И заполняет туго жаждущее ущелье,
Бойко кровавит небо и, замерев у цели,
В небе рождает вспышку дьявольского восторга,
В ночь изливаясь щедро — многоголосьем Лорки.

Читая стихи Ольги Киевской, не перестаешь удивляться богатству и изощренности ее поэтической фантазии. Поэтесса может витать в космических высях, а может ту же смену времен суток уподобить проходящему разные фазы своего развития волчонку

(«Утро — словно беззубый волчонок...»), который утром «ждет рожденья молочного зуба», «станет вечером серым по масти», а в завершение этой своеобразной эволюции «ночь очертится хищным оскалом».

И уж совершенно неожиданным образом «воспаленный небосвод» звездного неба оборачивается небом больного ангиной человека, «на шершавом языке» которого «луны таблетка» («О, воспаленный небосвод!»).

Кстати, это не единственное поэтическое произведение Ольги Киевской, где она прибегает к «медицинской» образности. В стихотворении «О, сколько человеческих черт...» у небосвода, съевшего «цитрус солнца на десерт», «аллергический закат // На скулах проступает», а затем «зудящей сыпью мелких звезд // Покрылась кожа ночи». В другом, уже из области интимной лирики («О, как волнует грудь нежданное признание!..»), лирическая героиня говорит: «Ланцетом нежных слов ты вскрыл мое молчанье». И уже одной этой фразы достаточно, чтобы остановить читательское внимание.

Завершает свой экскурс по временам года Ольга Киевская осенними этюдами, в которых снова и снова убеждает нас в том, что для передачи любого состояния природы у нее найдутся свежие слова и краски. Как находятся они, к примеру, в этюде «Осень», где эта пора предстает в образе золотокошой красавицы в ярком сарафане, с которой заигрывает «ветерок-безбожник и охальник». Или в стихотворении «Срывая с ясеня листья...»:

Уж свечи тающих берез
Огнем янтарным догорают,
И капли поминальных слез
К подножью скорбно опадают.

Взявшись писать о природе поначалу как бы по необходимости, чтобы разнообразить тематическую палитру, Ольга Киевская чем дальше, тем больше утверждала читателей во мнении, что движет ею отнюдь не эта сугубо прагматическая цель. «Стрелой звонкой // Нас настигает красота // И ранит тонко», — заканчивается стихотворение «На Фале». Полагаю — именно это «ранение» красотой, разлитой в природе, и побуждает поэтессу вновь и вновь обращаться к ее неисчерпаемому миру.

5. Свет и тени военной темы

Между тем завоевание новых тематических пространств Ольгой Киевской продолжалось. Ее все больше начинает привлекать лирика военно-патриотическая, социальная и даже философская. Кому-то, возможно, покажется странным, что поэт, успевший зарекомендовать себя певцом любви и природы, вдруг повернулся к темам совершенно иного направления.

Ну, не совсем и «вдруг». Рождались гражданские стихи и раньше, но редко, да и относилась поэтесса к ним, скажем так, с прохладцей и не как к чему-то существенному в ее творчестве. Однако и обойти гражданскую тематику совсем Ольга Киевская, выросшая и воспитанная на общественных, духовных и патриотических идеалах советской эпохи, не могла в принципе. Просто к началу XXI века она окончательно для этого созрела.

И не без стороннего влияния. В том числе и поэтических кумиров, которые пели, оказывается, не только о любви и в творчестве которых слышны звуки военных и социальных трагедий, пережитых страной. А после ахматовского «час мужества пробил на наших часах. // И мужество нас не покинет» Ольга Киевская окончательно прониклась уважением к гражданской лирике. И уже немало в данном направлении успела сделать. Не все, правда, из этого равноценно.

Так, в не лучших традициях советского военно-патриотического стихотворчества написаны стихотворения «**Кинохроника войны...**» и «**Герои отечества**». В целом все вроде бы ладно и гладко в стихе «**Мне любо в поле чистом...**». И патриотический бубен призывно звучен. Только вот нет в его голосе незамутненных, по-особенному берущих за душу оттенков. Тех, на какие способна Ольга Киевская, и какие ждешь от нее. Не особо трогает по той же причине и патриотическая риторика стихотворения «**Россия**».

Выдержанная в былинном духе баллада-притча «**Однажды восславив содружества мир...**» о войне, мире и о великом Слове, которое «*погасит войну*», символична, пронизана антивоенным и патриотическим пафосом. Но не покидает ощущение некой заданности. И финал баллады («*И в дружном порыве скандировал пир: // «Да здравствует Слово! Да здравствует мир!» // И нехотя, горьких сомнений полна // В чужие края отступила Война*») ощущение это лишь усугубляет. Да и мысль о том, что Слово, априори способное противостоять Злу и войне, эффективнее любой воинской рати, сегодня уже не представляется аксиомой.

Хотя имеются у Ольги Киевской на военно-патриотическом поле и несомненные удачи.

К ним можно отнести «**Балладу о матери**». Двух сыновей на глазах матери должны расстрелять. Она молит офицера пощадить их. Гитлеровец «смиловивился», согласился одного оставить в живых на ее выбор. Но выбора этого она так и не смогла сделать. Красиво, возвышенно, символично с предельно ясной мыслью — у матери любовь на всех детей одна, не выборочная, даже при самых трагических обстоятельствах.

«Баллада о матери» — одно из самых читаемых и популярных поэтических произведений Ольги Киевской. Она звучит на конкурсах чтецов, положена на музыку, с большим успехом исполняется в концертах.

В другой военной балладе Киевской «**Берта**» звучит мысль, что тот лишь, кто остается человеком даже в самых трагических обстоятельствах и способен на подвиг ради спасения других, достоин называться Праведником. И наоборот, тот, кто теряет перед лицом опасности в себе человеческое, ради собственного спасения может пойти даже на самое страшное преступление — детоубийство.

Свой ракурс военной темы нашла Киевская и в стихотворении «**Вошь**», сделав знаковой и символической деталью окопной войны обыкновенную вошь: «*Во все века кровь воинов со вкусом // Лакало Насекомое Войны*».

А в балладе «**Война и Смерть**» две неразлучные подруги, собрав на поле брани кровавый урожай («*сгребала жадно Смерть колосья, // Несла на мельницу Войны*»), пекут и лакомятся пирогом с начинкой из своих убиенных жертв. На фоне этого аллегорического сюжета неразрывное двуединство Войны и Смерти выглядит особенно зловещим.

6. На злобу современного бытия

Как поэт Ольга Киевская формировалась на переломе столетий. «*Моя казна — на стыке двух веков*», — скажет она в одном из стихотворений, имея в виду казну поэтическую. Естественно, что это переломное время не могло не отразиться в стихах чуткой на малейшие изменения социального и духовного климата поэтессы.

Сказалось, безусловно, и тесное общение с Нинелью Созиновой, редактировавшей сборник «*Мои неистовые птицы*». Созинова к этому времени сама сделала в своем творчестве резкий разворот в сторону остросоциальной лирики, прямо заявив, «о вечном не поется мне...». Рамки «вечного» тесны уже были и ее подопечной — Ольге Киевской.

Каким же увидела она современное общество, что в жизни сегодняшней России ее глубоко волнует?

Все перевернулось, встало с ног на голову в нашем мире, отмечает Киевская — «высокое осмеивают ныне», зато «зрит низкое себя на пьедестале» («**О, где вы, старомодные дуэли!**»). А все потому, утверждает она в одной из своих поэтических аллегорий (любит она этот художественный прием!), что «*обветшали, обомшели // Сказки про мораль и честь, // Не желают мира Звери. // Их удел друг друга есть*» («**Обветшали, обомшели...**»). И, как бы возражая Шекспиру, сравнившему когда-то мир с театром, поэтесса в стихотворении «**Мир — не театр, обыкновенный рынок**» уже без всяких иносказаний заявляет, что нынешний мир превратился в «*обыкновенный рынок*», где «*торгуют... и телом и душою*» и «*белой смертью наркоманы*», где предлагают «*на выбор политические взгляды*», а «*в продаже и лачуги, и дворцы*», где вообще всё — на продажу. Лишь «*истину, которой нет дороже, // Как и здоровье, не купить нам тоже*». Киевская в этих стихах открыто социальна, публицистична, но, к счастью, не газетно-декларативна.

К качественной поэтической публицистике на злобу современного бытия можно отнести и стихотворение «**Не души полным, а карманы...**», где в развитие темы о духовной деградации общества проводится мысль о том, что в исключительной заботе о собственном кармане «*забыта, как багаж, культура*». И задается горький вопрос: «*Когда поэзия в заgone, // Чем будет прирастать душа?*». Особенно когда «*сорвана резьба морали // И отказали тормоза*». Впрочем, совершив краткий исторический экскурс в российскую историю («**Давайте время ворошить...**»), Киевская приходит к выводу, что сложившаяся ныне ситуация отнюдь не уникальна — «*пророки и поэты*» всегда были гонимы на Руси.

Едкой горечью и обидой по поводу того, что враги «*корчуют матушку Россию*» и вот «*уже поддет последний корень... // И этот корень был — духовный!*», что нынче мысль обесценена, а заполоненные бульварщиной «*развалы книжные*» превратились в «*красивые, престижные // Культурные развалины*» пронизаны стихотворения «**Что мне до песен андалузских...**», «**Росли мы в книжном княжестве...**», «**Словарь сдавали в утиль...**». И «*все больше сознавать упадок речи*», усугубляемый далеко небезобидной модой «*свой коверкать язык нерусям в угоду*» («**У России — новый лик...**»). А в стихотворении «**На краю**» автор опять же в аллегорической форме предупреждает, как опасен может быть «кукушонок» преклонения перед всем иностранным. Вырастая, он вознамериться «*выбросить Россию из гнезда*».

Касается это не только родной речи или культуры. Под угрозой все национальное. В том числе деньги. В стихотворении «**Из валюты — кто нынче первый?..**» Киевская констатирует, что «*цинично, и круто, и люто // По России моей самозванкой // Иностранная ходит валюта*» и вопрошает: «*Только где ты, живая копейка, // Та, что рубль родной сберегла?*»

Обращает свой взор Киевская и на бедственное положение нынешней российской деревни. «*На родной заброшенной земле // Кормилица Деревня умирала*», — пишет она в стихотворении «**Смерть деревни**». Рисуя ее агонию, автор задается вопросом, почему так случилось? Ответ неутешителен — да из-за нашего же собственного попустительства («*Мы за врагов все выполнили сами...*»). Фактически сами себе вырыли яму «*банкротства бытия*» и теперь «*не собственники мы — заемщики и гости. // Все блага жизни мы себе ссужаем в долг. // Недолго погостим на собственном погосте, // Чтоб превратиться в прах и обещаний шелк*». Здесь Киевская явно перекликается с Евгением Мартышевым, который в конце девяностых годов писал: «*Сами дом свой подожгли, // Сами запалили, // Сами лили керосин // на дымящий сруб. Сами пьяный хоровод // до утра водили...*». Отсюда вслед за ним и горький вывод:

Так стоило ль копить, коль мир предметный зыбок?
Коль вынуждены всё мы в кости проиграть?
Нам не упаковать бесценный груз ошибок.
Нам нечего в последний путь забрать.

(«Что нам принадлежит в печальном этом мире?..»)

И не случайно возникает у поэтессы ассоциация современной России с давно вымершими гигантами ледникового периода: «Россия, как последний мамонт, стоит на грани вымирания» («Мамонт»).

Но, все-таки, как бы глубоко ни погрязло общество наше в грузе собственных ошибок, поэтесса не собирается предавать его анафеме, считая заблудшим, но не падшим:

Не спотыкаясь, кто из нас шагал?
И стойкий неваляшка оступался,
Но главное — не то, что ты упал,
А главное — что все-таки поднялся!»

(«Чужим умом не запасешься впрок...»)

А здесь уже слышна переключка с Есениным: «Ну, кто ж из нас на палубе большой // не падал, не блевал и не ругался? // Их мало с опытной душой, // кто крепким в качке оставался...». Попутно замечу, что «Письмо к женщине» — блистательный пример того, как органично соединились в пределах одного поэтического произведения певец любви и социальный лирик. И современным поэтам на сей образец не мешало бы почаще оглядываться.

Но вернемся к Ольге Киевской. Она верит в живучесть и неистребимость своего народа. «Пусть вершки — пропали, // Корешки остались», — говорит она («Я шепну подружкам...»). И первостепенные надежды возлагает на собратьев по перу: «Былым урокам вопреки // Рвя жилы и ломая перья, // Опять поэты-бурлаки // Россию тянут из неверья».

Есть у поэтессы и духовный ориентир, который, надеется она, поможет выбраться России из «золотого запада — западни». Это (опять же) — ««лик лубочный» «православнейшей», «державной», «хлебосольной Руси», которую «не одолеть врагу фальшивой нечисти», и которой лирическая героиня хочет помочь «живой молитвой». («Я «славословить» не берусь...»). Ну, а «точкой отсчета», по ее мнению станет «жест молитвенно точный, нацеленный в лоб» («Хлебосольная Русь»).

Но здесь хочется с автором не согласиться. Вышеозначенный лубочно-религиозный лик сегодня, на мой взгляд, глубоко архаичен и в качестве некоего безусловного духовного и нравственного фетиша вряд ли годится.

Будем, однако, уважать авторскую позицию. Тем более что в конъюнктурности Ольгу Киевскую нельзя упрекнуть. О чем бы она ни говорила в своих стихах, делает это искренне и верит в то, о чем пишет. Другое дело, что в гражданской ее лирике верным и точным в большинстве своем наблюдениям иной раз не достает адекватного художественного выражения. Социальная тематика удается Киевской, все-таки, значительно труднее, чем, скажем, любовная.

7. О ВЫСОКОМ И ВЕЧНОМ

Немалое место в творчестве Киевской занимают поэтические размышления о явлениях высоких и вечных — Боге, вере, душе, противостоянии Добра и Зла, сущности и смысле бытия, добродетели и греховности и о себе самой за гранью брэнного мира...

Бог для лирической героини Ольги Киевской (а именно его древним, но всегда «неуловимо новым» ликом освещены такие ее стихи, как «Заботы Бога», «Иду по лезвию ножа...», «В малиновых лучах воскресного светила...», «Безбожники, святые, иноверцы...», «Грешнице», «Меня толкают весело взашей...») — это высокий символ веры, нравственной чистоты и духовный маяк, освещающий нелегкий путь к Добру и

спасению человеческой души. Причем в ощущении лирической героини ее отношения со Всевышним взаимообразны: *«Я верю — в Бога, // А стало быть, и Он — в меня»*.

Не стану лукавить — стихи Киевской о Боге меня тоже не сильно увлекают. Куда интереснее становится мне, читателю, когда, задумываясь о Боге, поэтесса задается острыми вопросами не столько религиозного, клерикального, сколько философского характера. В миниатюре **«Ab ovo»** она с улыбкой спрашивает: *«Как может быть первичен Бог, // Когда есть Богородица?»*. И вспоминается известный логический парадокс, касающийся первооснов бытия, которым озадачивались еще философы Древней Греции: что было первым — курица или яйцо? Подобного же рода «парадоксальный» вопрос в стихотворении **«Боже, в меру сил моих извилин...»** адресует Киевская уже непосредственно Богу: *«Если всемогущ ты и всемогущ, // Почему же дьявол побеждает?»* Перманентная взаимозависимость сущности бытия отображена и в иронической философии **«Кого ты верноподданным зовешь?»**:

Кто благодетель чей — не разберешь.
Друг другу служат раб и государь,
Наседка и яйцо, Творец и тварь.

А по поводу греховности человеческого существа Киевская иронизирует: *«Мы рождены грешить и в муках каяться, // Наш главный козырь — вовремя раскаяться»*. И не только иронизирует. В сонете **«Читатель добрый вдруг...»**, размышляя о безмерности и бездонности грехопаденья, о том, что на каждом шагу *«в ловушку нас влечет греховность суеты»*, Киевская приходит к настолько же парадоксальному, настолько и неутешительному выводу:

Закрытая тюрьма заполнена воочью
А храмы между тем
по-прежнему пусты,
Хоть вход для прихожан
открыт и днем и ночью.

Любопытны и поэтические фантазии Ольги Киевской на тему первооснов бытия. В стихотворении **«Карамболь»** она предлагает шуточную версию сотворения мира. Чтобы *«оживить немного // Бытия сукно»* Бог однажды решил на бильярде *«разыграть изящный // В небе карамболь»*. Для этого он *«снял с янтарных четок // Ядра сочных звезд»* и... *«лег в мирские лузы // Солнечный янтарь»*. В итоге *«выиграли мы»*, то есть все человечество. Космическая масштабность и образность вполне органично сочетаются с иронической окраской представленной здесь картины.

Жизнь — игра, говорит поэтесса в стихотворении **«Людские игры...»**. *«Играют в жизни все: кто чисто, кто фальшиво»*. Но главный игрок и кукловод, по ее утверждению, сам Бог. Ведь даже поэт, который *«пишет и живет в тщеславии большом»*, не знает, *«что Господь, подергивая нитки, // Играется с небес его карандашом»*.

Впрочем, игра — только часть жизни. Вообще же *«теорема бытия»* безмерно шире ее и сложнее. Вечная, не имеющая универсального решения, она тем, прежде всего, и интересна, что провоцирует на все новые попытки ответить, зачем и как жить человеку.

В философском верлибре **«Я читаю жизнь»** о постижении сути вселенского бытия и себя в нем автор, стремясь докопаться *«до корешков мирозданья»*, прикоснуться *«к сокровищнице открытий»*, доходит, в конце концов, *«до точки, ставшей многоточием»*, за которой начинается *«нечитаемость» «в главной вселенской азбуке»*. Всегда остается понятен в ней только *«единственный знак, стремящийся к бесконечности — вечный иероглиф Божественного Креста»*.

Как известно, одной из движущих сил бытия является противоборство Добра и Зла. Находит оно отражение и в философской лирике Ольги Киевской.

«**Два волка в нас живут — Добро и Зло...**», — начинается одно из ее стихотворений. И в их «*пожизненной борьбе, в смертельной схватке*» побеждает тот «*волк, которого ты регулярно кормишь*». Мысль ясна, и оспаривать ее не будем: действительно, лучшие плоды дает то, что больше холим и лелеем. Но зачем же подводить два противоположных начала под единый «волчий» знаменатель? У Добра, выходит, тоже волчий оскал?

Вечную тему Добра и Зла, морального и нравственного выбора Ольга Киевская в стихотворении «**Два ангела**» пытается высветить на, быть может, и неожиданном, но вполне актуально-обыденном жизненном материале. «*Два ангела — Черный и Белый*», спустившись на плечи лирической героине, уговаривают ее: один — избавиться от ребенка в утробе («*я милого жарко любила, // Но я не желала дитя*»), другой — оставить его, поскольку «*от праведной жизни иль блуда, // Но жизнь есть великое чудо*». В результате преодоления душевных мук, справившись «*с демоном зла*», лирическая героиня спасает «*свою многогрешную душу*».

А вот будущая мамочка из монолога «**За рождение!**», похоже, вняла уговорам Черного ангела. Или вовсе даже и не ведала, что творит. Но особенное трагическое звучание этой, в общем-то, ординарной житейской ситуации (сколько в мире женщин ежедневно решается нарушить одну из важнейших божеских заповедей — «не убий!») придает не сам факт случившегося, а способ его подачи. Разговор ведется от лица не родившейся дочери, которая рассказывает о своем внутриутробном развитии от момента зарождения и до финальной точки. Из-за равнодушной материнской жестокости ей не довелось увидеть свет, но она успела обрести человеческие черты, ощутить жажду жизни и проникнуться любовью к тем, кто дал начало ее существованию.

Ты знаешь, мама, я с тобой сроднилась.
Я так стремилась, так хотела жить!
Не понимаю, как же так случилось,
Что ты меня задумала убить?

...Спаси меня! Нет, ты меня убила.
Так буднично и просто. Невзначай.
Я знаю, ты меня бы полюбила.
Родись я только. Мамочка, прощай.

Стихотворение отличается высоким эмоциональным накалом, читать и слушать его равнодушно невозможно. И, будь моя воля, я бы заставлял в обязательном порядке учить этот стих будущих мам еще на начальной стадии беременности, дабы не возникало у них даже тени грешной мысли об избавлении от плода.

С предыдущим перекликается стихотворение «**Жизнь после родов**». «*Два малыша за сутки до рожденья // Затеяли в утробе странный спор*» о том, есть ли послеродовая жизнь. Один не верит в нее, другой — наоборот. И божеством в той чудесной послеродовой жизни, ее стержнем и светочем становится для него Мама: «*Она — везде! Ее я пенье слышу, // И чувствую: она наш гладит мир*». Но перекличка здесь скорее формальная — в части использования практически одинакового художественного приема.

О безжалостности равнодушия напоминает нам короткая, но емкая по своему смыслу баллада-притча «**Паучиха**». Повинуясь великому инстинкту продолжения рода, «*томимая жаждой желанья*», свила паучиха в укромном темном углу свое будущее брачно-семейное гнездо. А потом пришел дворник и смел его «*равнодушной метлой*». Так очень часто и случается. Созидаем, лелеем, трясемся над своими творениями, а потом появляется некто смотрящий за «порядком» и во имя этого высшего Порядка уничтожает все, что в него не вписывается.

Другая притча Киевской «**Порою в личной слепоте...**» написана в назидание о том, как важно понимать друг друга. Глухой со Слепым рассуждают о красоте. Один ее

видит, другой только слышит. У каждого сообразно этому свое о ней представление. «*А сзади, всхлипывал Немой // С кричащими глазами*», — заканчивается стихотворение. Мораль очевидна. Если Слепой с Глухим в своих рассуждениях о красоте как бы дополняли друг друга, то Немой просто не мог выразить свое мнение в слове. Были, однако, у него еще и «кричащие глаза», которые Слепой с Глухим, увлеченные собой, попросту не заметили.

Знаковым человеческим ценностям посвящена шуточная фольклорная стилизация «**Семь жемчужин**». Некое былинное существо созывает похороводиться русоколых девиц-красавиц и дарит им по заветной шкатулочке с жемчужинами-добродетелями (Надежда, Вера, Любовь, Дружба, Истина, Честь и Совесть), поет в финале заздравицу: «*Пусть цветет на радость нам, // русская сторонюшка!*». А автор демонстрирует очередной раз свое умение работать в разных стилях и направлениях.

То, что даже в пределах самой консервативной формы можно быть одновременно глубоко лиричной и философичной, Ольга Киевская убедительно доказывает в сонетах под общим заголовком «**Житейские трудности**», которым вполне подошло бы и название «Житейские мудрости».

Помнится, когда-то Пушкин своему другу Вяземскому полушутливо писал, что «поэзия, прости Господи, должна быть глуповата». И многие его потомки разных поколений восприняли это чуть ли не буквально. О Киевской этого не скажешь. Напротив, своими стихами, в том числе и сонетами, она утверждает, что поэзия может (а то и просто обязана) обладать не только внешней привлекательностью, изящностью, утонченностью форм, но и умом. И более того — безмозглое стихотворчество перестает быть поэзией и словесным искусством.

Еще один неперемный атрибут лирической поэзии — душа — также находит место в творчестве Ольги Киевской. Стихотворцами всех времен и народов изрядно потрепан и этот предмет. Но у Киевской обнаружился, опять же, свой на него взгляд.

В стихотворении «**Работай над собой...**», как бы солидаризируясь с Николаем Заболоцким, заявлявшем более полувека назад, что «душа обязана трудиться — и день и ночь, и день и ночь», Киевская тоже убеждена, что человеку необходимо пестовать и растить свою душу, ибо «*в жизни только тот великодушен, // В ком вызрела великая душа*». Вопрос лишь в том, уточняет она, «*как высоко душа должна подняться, // Чтоб чьи-то души низкие простить?*»

А в стихотворении «**Я в тоске от пересудов...**» Ольга Киевская, отталкиваясь от широко известных «Физиков и лириков» Бориса Слуцкого, по-своему интерпретирует их главную мысль — «что-то физики в почете, что-то лирики в загоне». Вместо технарей и гуманитариев, которых имел в виду Слуцкий, исходя из реалий своего времени, у Киевской — богатые, но циничные, с мелкой душонкой лилипуты противостоят нищим, зато духовно богатым гулливерам. Но при остром дефиците последних «*миром правят лилипуты*».

Касается поэтесса и такой извечной проблемы человеческого бытия, как ограниченность жизненного круга. «*Жизнь — беспощадно коротка...*», а «*смерть всему поставит точку*», — констатирует она. И надо жить всем бедам и невздам назло. К чему и призывает в искрящемся оптимизмом стихотворении «**Живи!**»: «*Ты только с Жизнью счеты не своди*», потому что «*грешно менять рассвет на забытьё*», а, стало быть, — «*живи! Дыши! Люби! Возьми свое*».

Но и за гранью брэнного мира лирическая героиня Киевской не согласна превратиться в обездвиженное ничто. Поэтому и молит Бога, чтобы и за смертной чертой продолжалось ее, пусть и в другом уже качестве, активное существование. Ей «*лучше быть живой пружинной, // Землю рыхло ворошить, // И, работая рутинно, // Пусть червем, но все же — жить!*» («**Кем я стану? Сказкой? Былью...**»). Не мысля себя и после смерти никчемной бесчувственной гнилушкой, она заявляет:

Охотница за светом и теплом,
Покину я приют в протесте рьяном:
Ко мне придете — выпорхну цветком,
А не придете — вымахну бурьяном!
(«Когда меня всевидящий Господь...»)

Ну, а пока жизнь продолжается, лирическая героиня просит в «Молитве»:

Пошлите мне долю — любимого выстрадать,
Под игом врагов — не сломаться, а выстоять,
Пошлите мне Слово, чтоб Родину чествовать,
Пошлите терпенье — наследников пестовать,
Пошлите мне чудо, чтоб не разувериться,
Пошлите мне равного — силой помериться.

Жанр молитвы-реквиема далеко не нов. Труден он тем, что требует глубины, емкости, но, одновременно, и лаконичности. И полагаю, что Ольга Киевская с этой задачей вполне справилась, сумев здесь коротко и ясно выразить свои жизненные приоритеты.

С «Молитвой» перекликается и поэтический манифест Киевской «Отказываюсь петь». Впрочем, слышна в нем и перекличка с Владимиром Высоцким. У знаменитого барда в одноименном произведении — «я не люблю», у Киевской — «отказываюсь петь». Хотя суть, в принципе, одна: оба поэта декларируют то, с чем им в жизни не по пути. Но если Высоцкий просто заявляет свои жизненные принципы и условия существования без всяких комментариев, то Киевская еще и объясняет, почему «отказывается».

8. Да здравствует романтика!

Не могла, наверное, Ольга Киевская не попробовать себя еще в одном жанре — романтической поэзии. Были к этому свои предпосылки, связанные, прежде всего, с любовью к чтению.

Началась она, вспомним, со сказок. Ольга еще в детстве перечитала все сказки народов мира, какие имелись в местной библиотеке. А чтобы крепче удержать в памяти, даже усердно их конспектировала. Позже сказки сменили мифология и фантастика. Не обошлось, естественно, без сказок Пушкина, его и Лермонтова романтических поэм. Мир романтической поэзии открывался Киевской и в творчестве зарубежных авторов — от Байрона и Шиллера до Бодлера и Рембо.

С другой стороны, не последнюю роль сыграли романтические позывы собственной натуры. Романтика и романтики всегда были близки Киевской по духу и мироощущению. Хотя бы потому, что игровая и мифологическая стихии в романтике особенно сильны. Не случайно этому свободному племени, в котором клокочет «*страсть неутоленная, мечта неистребимая*» («**Мы — нация романтиков**») впоследствии пропоет она гимны. «*Виват — романтикам ушедшим! // Виват — романтикам грядущим!*» («**Виват — романтикам!**»). Они украшают жизнь, делают ее ярче, острее, многозвучней. А поэтому и «*хвала восторженным романам*», признаки которых, кстати, заметны во многих поэтических произведениях Киевской, особенно в ее романтических балладах.

Хотя не скажу, что баллады эти относятся к числу лучших произведений Киевской. Большинство из них носят отпечаток подражательности и вторичности, поэтического ученичества.

Скалькированной из плохого пиратского романа картинкой смотрится **«Пиратская баллада»**. Спасает ее только то, что все в ней рассказанное поэтесса обращает в шутку. Да и в деталях автору следовало быть точнее.

Созвучна **«Пиратской»** и по тому же лекалу сделана баллада **«В салуне»**, рассказывающая о том, как два ковбоя не поделили *«чернокожую блудницу»* и схватились за *«кольты»*. Верная себе, концовку Киевская делает неожиданной: *«Выстрел... На полу лежать осталась негритянка из салуна»*. А в остальном, если опустить традиционные для данного жанра красоты, и этот текст тоже оригинальностью не блещет. Сильно смущает и одна из строк баллады. *«Ощущая тяжесть лона»*, — пишет автор. У мужчин-ковбоев?..

Не вижу особой новизны и в балладе **«Имею честь»**. Хотя приличной основой для романтического шлагера она, наверное, могла бы стать. Но почему-то вспоминается задорная песня *«Как хорошо быть генералом!»*, которую когда-то прекрасно исполнял Эдуард Хиль.

Романтические произведения Киевской — это по форме, как правило, стилизации. Не обязательно под вестерн или «веселый Роджерс». **«Возница»**, например, написан в духе некрасовских «народных» баллад. А **«Казацкая песнь»** стилизована уже под казацкий фольклор. В фольклорной стилистике написана и баллада **«Три желания»**. Выходя замуж, девица загадывает желания: родить через год после свадьбы сына, чтоб он не знал *«нужды, лишения»*, увидел свет и, вернувшись домой, *«в минуту злую»* чтоб не предал и не обидел *«матушку родную»*. Все исполнилось в точности. За малым, но важным исключением. Когда мать тяжело заболела и попросила сына ночью *«дать воды напиться»*, он поленился подняться с постели. А утром матери не стало. Черствость и эгоизм сына ускорили ее смерть. Этакая иллюстрация к известной теории «стакана воды», которого в нужный момент часто некому подать. И все бы ничего, да слишком уж прямолинейно-назидательной и морализаторской история получилась.

Отдавая дань романтическим фантазиям, Ольга Киевская вполне осознает опасность чрезмерного увлечения ими. Более того — вообще не видит проку в бессмысленном воображении, о чем и заявляет в стихотворении **«Фантазия, как резвая лошадка...»**: *«Осел ценнее, знающий дорогу, // Чем наугад шагающий мудрец»*. И не советует принимать на веру красивые романтические мифы, под которыми нет твердой реалистической почвы:

Обходи с опаской остров Эя,
Уплывай от гиблых берегов,
Иль разделишь участь Одиссея,
Власть познав чарующих оков.
(«Страшно было жить во время оно...»)

9. Ироническим пером

Я уже отмечал, что ирония — одна из заметных черт поэтики Ольги Киевской. Ироническая окрашенность выделяет многие ее стихи. Вместе с тем в значительной их части ирония обретает уже свойства самостоятельного поэтического жанра. Наиболее полно представлен он в сборнике с говорящим за себя названием **«Пирсы ирониады»**, вместившем в себя более двухсот миниатюр, где поэтесса насмешливо и колко рассуждает о жизни, любви, творчестве и даже о вечных проблемах бытия.

В этих лаконичных афоризмах и сентенциях немало точных интересных наблюдений. О мужчинах и женщинах, например — *«Мужчину нужно убеждать, // А женщину упрашивать»*, *«В миг близости»* мужчина *«даму любит, но уважать перестает»*, или *«Мужчин всегда волнует тело женщин // А женщин возбуждает»*

интеллект» (с этим, впрочем, можно и поспорить). О человеческих пороках — бывает «Очарователен тупица, но оскорбителен остряк». О поэтах — «Избави нас, Господь, // от творческих изъянов: // От глупых болтунов и умных графоманов» или вот еще одна, почти сатирическая картинка поэтического сообщества, спешащего «по пастбищу поэзии» на «вдохновенный водопой» («Поэты пестрою толпою...»). О парадоксальных (на взгляд иностранцев) особенностях русского языка («Ох, и труден наш русский язык...»). Ну, и еще о многом другом...

Иной раз иронизмы Киевской обретают черты философской поэзии, где мудрость облачена в иронические одежды. «Прозу жизни читаем с тобой, // Предвкушая поэзию смерти», — заканчивается один из ее катренов. «Неизбежны, увы, // Только смерть и налоги», — читаем в другом. Философски глубоко и образно сказано о весомости слова:

Слова вес таков —
Не измерить, нет
Столбики стихов
Столбиком монет

Своего рода микрорецензией на одноименное полотно Малевича стала миниатюра «Черный квадрат». Коротко, емко и неожиданно:

Картин подобных не встречала.
В ней — мира точный образец:
И ночи черное начало,
И света белого конец.

Ироническим пером Ольге Киевской удастся высветить и подчеркнуть подчас непреходящее значение даже, казалось бы, совершенно банальных истин:

Фальшивы внешности черты,
Нет абсолютной красоты.
И с точки зрения верблюда,
Газель — уродливое чудо.
«Все в мире относительно...»

Правда, в сентенциях своих Киевская бывает иной раз слишком уж прямолинейна. Совершенно в духе советского санитарного просвещения смотрится, например, этот вот пассаж о вреде курения:

Я удивляюсь молодым.
Курящее сословье,
Вам превращать не жалко в дым
И деньги, и здоровье?

Это нравоучение так и просится на сигаретные пачки. С одной стороны — картинка-ужастик о жутких последствиях табачного дыма, а с другой — огненнокудрая красавица с зелеными глазами грозит пальчиком молодым курякам с вышеприведенными словами.

Иногда не хватает Киевской в ее иронизмах такта. Случается, что впадает автор миниатюр в едва ли не оскорбительную язвительность. «Писать, пожалуй, вам не стоит, // Ведь ваш талант гроша не стоит. // Таким владеете вы даром, // Который нам не нужен даром», — читаем в миниатюре «Писать, пожалуй, вам не стоит...». Похожим образом редакторы журналов и издательств, одуревшие от нашествия графоманов, отшивают надоевших горе-стихотворцев. Что при всем к ним сочувствии чести этим литслужащим не делает.

Достается, впрочем, от Киевской и редакторам тоже:

Мечтала критика ударить,
Ну а редактора убить:
Один смел Пушкина — поправить
Другой Сократа — сократить.

Хочу в этой связи напомнить, что зоил Белинский пиита Пушкина не раз «поправлял». Достаточно вспомнить цикл его блистательных статей о творчестве великого поэта, где высказывал он гению отнюдь не только комплименты.

В **«Пирах ирониады»** критикам посвящен целый ряд миниатюр. И не все они отличаются тонким изящным остроумием. Вот эпиграмма под названием **«Критик»**:

К моей поэзии прилип,
Мешает как в носу полип,
Его задача и призванье —
Душить свободное дыханье

Возникает ощущение какой-то личной обиды, за которую автор пытается отомстить всем зоилам оптом. А поскольку обида эта где-то «за кадром» — *«не обласканная прессой»* Ольга Киевская, никем пока, однако, и не разруганная — то читателю остается только недоуменно пожимать плечами. В том числе и по поводу еще одного плевка в критическую братию:

Считаться строгим аналитиком,
Не значит пошлым быть и злобным.
Быть можно превосходным критиком,
А вот поэтом — низкопробным.

Критику вовсе не обязательно быть поэтом. Превосходный критик может и не уметь писать стихов. С другой стороны, редкий поэт способен овладеть очень нелегким критическим ремеслом.

Не жалует Киевская и пародистов. *«О, беспородный пародист, // О, жалких сплетен провокатор, // Ты явно на руку не чист, // Мой беспардонный плагиатор!»* — пригвождает она к позорному столбу в миниатюре **«Поэту-пародисту»**. А то и вовсе отказывает представителю этого жанра в поэтическом таланте:

Вам взлететь смешно пытаться,
Ваша Муза — не у дел.
На Парнас вам не подняться,
И Пегас ваш окошел.

Более того, Киевская утверждает, что пародист уже якобы по определению *«бездарнее оригинала»*. С чем трудно согласиться. Пародист иной раз бывает куда интереснее и ярче оригинала.

Все это тем более странно слышать от Ольги Киевской, которая сама, и не безуспешно, пробует силы в этом жанре, о чем свидетельствуют ее пародии **«Я — Жозефина»**, **«Убегаю рысцой от редакторских глупых советов...»**, **«Кто я?»**

10. Музыка произнесенных слов

Не могу не отметить еще одно свойство многих и многих поэтических произведений Ольги Киевской — их музыкальность. Не случайно музыканты-исполнители так охотно к ним обращаются. На ее стихи разными авторами написаны десятки песен и романсов. При этом большинство их отличаются, говоря словами самой поэтессы, «*точностью попадания под музыку произнесенных слов*» («Романс»).

Далеко не каждый поэт может этим похвастаться. Но у Ольги Киевской иначе, пожалуй, и быть не могло, ибо сама она изначально, по природе своей — человек музыкальный. С детства играет на гитаре, поет, причем на разных языках. Но особенно любит русские народные песни и романсы. Что, кстати, в ее поэзии нашло свое отражение. Пела поначалу в хоре, была солисткой самодеятельного вокально-инструментального ансамбля, для репертуара которого писала еще и тексты песен. Ну а петь училась по грампластинкам и магнитофонным записям. Все это, естественно, не могло не сказаться впоследствии и на ее поэтической работе.

А романтическая устремленность ее души подвигает Ольгу Киевскую еще и на стезю авторской песни. Она и здесь являет свое «лица не общее выраженье». Достаточно услышать ее «**Неформатное**», отличающееся яркой современной технико-компьютерной образностью, или же окрашенный легкой иронией, но в то же время глубокомысленный пассаж «**Поэт живет — и думает о тризне**» о поэтическом бессмертии.

11. Солнечный подарок

Не могла, наверное, Ольга Киевская, мать двоих детей, не попробовать себя и в стихах для самых юных.

К этому виду поэтического творчества обращаются многие, но редко кому оно бывает подвластным. Здесь и талант особый нужен, и состояние души, и нечасто встречающаяся способность взрослого человека быть своим в мире ребенка. Все это, на мой взгляд, у Киевской присутствует сполна.

Среди персонажей ее детских стихов много разной живности: ёж, рысь, гусь, гиппопотам, тигр, лев, лосиха, цыплята, слон, сорока, щенок... Целый, в общем, зоопарк. Но больше всего кошек, которые словно бы символизируют домашний семейный уют. При этом одну с другой не спутаешь. Каждая имеет свои «отличительные признаки», каждая «гуляет сама по себе». Но, вот что особенно важно и существенно. Все эти звери, животные, птицы (как и вообще окружающий мир) в стихах Ольги Киевской увидены глазами ребенка, пропущены через его восприятие.

О той же кошке малышка из стихотворения «**У кошек нету ручек и нету длинных ножек...**» рассуждает со своей неопровержимой детской логикой: раз кошка не может сама открыть холодильник, достать себе вкусный кусочек, значит, она, девочка, и должна ее в первую очередь покормить. А юной героине стихотворения «**Я баюкаю котенка**» этот самый котенок возмущенно отвечает: «*Я не маленький ребенок! // На меня взгляните сами, // Я давно уже с усами*». Да и рысь из одноименного стихотворения в глазах ребенка не больше, чем «*большая кошка*», которая «*только хищная немножко*», но которой, к сожалению, «*не скажешь: «Брысь»*». Закономерен с позиций детского восприятия и этот вот прозвучавший в стихотворении «**Кошки-мышки**» вопрос:

«Посмотри, — сказал братишка.
— Вот компьютерная мышка».
Я задумался немножко —
Где компьютерная кошка?..

Особое детское мироощущение рождает у ребенка и такие же вопросы, которые способны подчас поставить в тупик любого взрослого. В стихотворении «**На часах**

пробило шесть». Ребенок спрашивает папу, «что за зверь» время, если «оно способно встать, пролетать и уплывать»? «Значит, у него в итоге, — делает он свой вывод, — крылья, плавники и ноги».

Задумывается маленький человек и о самом себе. В шутовском стихотворении «**Я мамина и папина**» девочка задается вопросом, на кого она похожа. Находит она в себе черты сходства с обоими родителями. Отсюда и ответ очевиден — «я мамина и папина». Это для взрослых очевиден. А у героини стихотворения возникает сообразное с ее мировосприятием сомнение: «А от кого царапина?».

Ребенок, постигающий мир вокруг, всегда неопытен. Он делает для себя открытие за открытием. Но все им познается в сравнении. И этот своеобразный «сравнительный анализ» как черту детской психологии Киевская тоже учитывает, что подтверждает, в частности, коротенькое, но весьма показательное стихотворение «**Слон и пчелка**»:

Удивляет пчелку слон.
До чего огромен он!
Не найти ему цветка
Для такого хоботка.

У малыша (а это у Киевской совершенно не обязательно человеческий ребенок), не только особый взгляд на мир, но и свое понимание словесного смысла. В стихотворении «**Мышка-малышка**» «просит мама дочку-мышку // Сунуть градусник под мышку». Но, когда мышка-мама вернулась через несколько минут проверить температуру, то не нашла в положенном месте градусника. А оказался он у мышки под спинкой. Малышка по своему поняла сказанное мамой «сунуть под мышку» и градусник «под себя и положила».

А герой стихотворения «**Братишка**» решает уже свою лексическую задачу. Недавно родившегося брата назвали Рома. Но папа, глядя на него («Вон какой он великан») предложил «звать его Роман». На что мама возразила: «Мал пока он как букашка. // Будем звать его Ромашка». Вот и ломает голову старший брат, как ему называть младшего, если тот «и цветочек... и книжка». Правда, лично я не уверен, что детсадовского возраста ребенок уже знает, что роман — это не только имя, но и литературный жанр, «книжка».

На игре слов, смысловых оттенков построены многие стихи Киевской. Это один из ее любимых поэтических приемов. Успешно использует она его и в детских своих стихах. Рифмует, например, имена с созвучными названиями камней самоцветов, которыми щедро одаривает детей яркое солнце («для хорошей Иры — синие сапфиры, для любимой Люды — зелень изумруда...»). В результате и стих под названием «**Солнечный подарок**» получается красочный, самоцветный. Как и считалочка «**Я растения люблю**», где поэтесса применяет тот же прием, но рифмуя имена уже с названиями растений. А в стихотворении «**Цыплята**», обыгрывая смысловые оттенки слова «цыпки», автор прибегает еще и к аллитерации, делая упор на повторении согласного «ц», что способствует лучшему восприятию стихотворения маленьким читателем:

Как-то раз на мокрой грядке
Промочили цыпы пятки.
И на цыпочках стоят.
Стало жалко мне цыплят.
Где им лапки просушить,
Чтобы цыпок не нажить?

На звукописи, выразительном словесно-звуковом узоре держится и стихотворение «**Сорока**».

Персонажи, населяющие детские стихи Ольги Киевской, вообще, надо сказать, выходят из-под ее пера живыми, яркими, колоритными, легко запоминающимися. Как,

например, кот-обжора из стихотворения «**Жил был кот по кличке Жора**» — этакий кошачий вариант классического Робина Бобина Барабека. Или «*нежная снежинка*», которая словно «*льдинка-балеринка села прямо на ладонь*» и растаяла, как решила девочка, от ее похвалы («**До чего нежна снежинка**»).

Праздничным предновогодним настроением окрашено стихотворение «**Зимнее утро**». Малыш смотрит в окно, любит елку во дворе и ждет чуда. Но его появления вроде бы ничто и не предвещает. И все-таки оно происходит. Во всяком случае, мальчику, так его ждущему, вдруг показалось, что елка ему приветственно «*махнула лапой*».

А весеннее утро в одноименной зарисовке под пером Киевской предстает в образе младенца «*в розовых пинетках*». В соответствующей стилистике написано и все стихотворение. Автор говорит с ребенком на понятном ему образном языке.

Образ летнего утра предстает в поэтическом этюде «**В розовой акварели**». Он не просто изящно живописен, красив, но и помогает донести до юного читателя очень важную мысль о том, что всё даже очень большое в мире начинается с самого малого, что и крохотная капля росы на заре может стать истоком великой реки, питающей океан.

В поэзии для детей, как, может быть, ни в каком другом поэтическом жанре, велико значение интонационной окрашенности. Точно выбранная интонация предельно сокращает дистанцию между автором и маленькими читателями. Ольге Киевской удалось это сделать. Почти все ее стихи пронизаны доброй улыбкой, задушевностью, нежностью и любовью. А если и наплывет облачко грусти, то и грусть та легка и светла, как у девочки в стихотворении «**Поселилась в доме грусть**», которая не может дождаться с работы маму, чтобы та быстрее приголубила дочку.

Одно из своих стихотворений Ольга Киевская назвала «Солнечный подарок». Но к таким стихам-«подаркам» можно, я думаю, отнести практически все, что адресует поэтесса маленьким читателям.

12. Разгадывающая тайнопись поэтов

Ольга Киевская, напомним, начала утверждаться в поэзии, будучи уже зрелым человеком и сформировавшейся личностью со своими воззрениями и отношением к жизни, в том числе и творческой, по поводу которой ею было много передумано и для себя уяснено. Ее нельзя назвать птичкой божией, которая поет по наитию, не ведая ни заботы, ни труда. Она как раз очень осознанно подходит к поэтическому ремеслу как к серьезной и трудной работе и стремится постичь его суть, задачи, значение, технологию.

Да Ольга Киевская этого и не скрывает. «Раньше я просто любила поэзию, — признается она. — Изучала ее на бессознательном уровне. Сплетение слов вызывало восхищение. Я пыталась понять, как это было достигнуто. Анализировала строение, красоту и силу строфы. Книг не было. Была рада до беспамятства, когда удалось приобрести энциклопедический словарь. Там я выискивала слова, связанные со стихосложением. Найду ямба, а там ссылка на хорей. Ну и так далее. Сейчас у меня большая библиотека плюс Интернет. Не хватит жизни все прочитать и узнать...»

Поэтому совершенно логичным видится появление в первой же книге Киевской стихов не только о любви или природе, но и поэзии и поэтах, творчестве и творческом процессе.

Стихи свои поэтесса уподобляет «*неистовым птицам*», которые она отправляет искать «*истины зерно*» («**Зачем я прошлое листая...**»). Ну, а появляются на свет они, «*как дети*» — «*из потуг и душевных мук*».

Когда ж в положенные сроки
Минует кризис, мысли шок,
Когда душа исторгнет строки,

Как плод, как выдох, как итог.
(«Стихи рождаются, как дети...»)

Хотя, как и всякое другое, рождение стихов всегда остается таинством, поэтому «*не найти в душе ответа, // Как рождаются слова...*». И «*непроста его (поэта — А.Г.) личина*». Он и мир «*чувствует иначе*», и пересоздает по-своему. Ну а поскольку «*жизнь влюбленностью согрета // И предательством — нова*», постольку «*душа поэта // То — невеста, то — вдова*» («**Не найти в душе ответа...**»). И своими собственными поэтическими перевоплощениями эту мысль автор стихотворения то и дело наглядно иллюстрирует.

О неисповедимости путей рождения поэтических строк говорит и небольшая баллада-притча Киевской «**Сновиденье**». Приснилась поэтессе бродяжка-нищенка. Переночевала у нее, отдохнула и засобиралась дальше. А когда поэтесса спросила ее имя, та ответила — Муза. Проснувшись, поэтесса бросилась к столу, и увидела на бумаге «*новенький стих, // И названье ему «Сновиденье»*».

А вот другая баллада-притча — «**Две сестры**» — посвящена единству противоположностей двух родных литературных сестер. Они идут «*по родимой стороне*», и народ на их вечном пути «*порой влюблялся — в ту, // Ну а порою — в эту*»:

Одна восторженной была,
Ну а другая — строгой.
Одна доступною слыла,
Вторая — недотрогой...

Шли сестры, плача и смеясь,
Сквозь тернии и розы.
Одна — Поэзией звалась,
Ну а другая — Прозой.

Ольге Киевской дороги обе сестры, тем более что объединяет их кровное родство со Словом. А Слово, по ее убеждению, как «*мощный фактор поражения*» «*обладать должно ударной силой*» («**Ядерное**»). Отсюда, соответственно, и величина собственного творческого накала: «*Я жажду самовыраженья // На грани самовозгорания*» («**О, как порывисты движенья...**»).

Что касается непосредственно поэзии, то при всем разбросе собственных творческих интересов Ольга Киевская прежде всего ее подданная («*к твоей причастна лиге я*») и именно эта «*литературная сестрица*» для нее — истинная Религия, которой она «*готова присягать*» («**Поэзия**»). Ну а главным желанием поэтессы становится желание «*стихами с землей говорить*» и «*свободно и мудро общаться... на уровне сердца*» («**На уровне сердца**»).

Размышляя же в стихотворении «**Хочу дойти до сути, до ядра...**» (здесь слышна перекичка с пастернаковским «*Во всем мне хочется дойти // До самой сути...*») о том, что есть поэзия — «*воображенья смелого игра, // Или души мятежной состоянье*», Киевская приходит к выводу, что у настоящего мастера и то, и другое должно находиться в гармоническом единстве:

Когда в душе гармонии аккорд
Воздаст хвалу терпению-титану,
Слова причалят к рифме, станут в порт,
Подвластны и послушны капитану.

А в притче «**Спал поэт в тени дубравы**» автор проводит мысль о том, что истинный поэт способен слышать звуки и рая и ада, «*их в слова переливая*» — иначе

говоря, чутко внимать Добру и Злу и отображать борьбу этих извечно противоборствующих начал человеческой природы в стихотворной строке.

Вообще же воздействие поэтического таланта, убеждена Киевская, чрезвычайно велико. С одной стороны, он *«нас обречет на чувственные муки»*, а с другой — *«простой поэт, спасая мир от скуки, // Ведет к познанию веры и науки...»*. (**«Что знает о несказанном поэт?..»**).

Но достигает он этого через неустанный кропотливый труд. Поэта Киевская сравнивает с усердной пчелой: *«Так истину поэт по каплям собирает, // Из сердцевины дней пьет мудрости нектар»* (**«Смотрите, как пчела усердная порхает...»**). К подобным поэтическим пчелам относится, без сомнения, и сама Ольга Киевская. В стихотворении **«Прощальное»** она с затаенной гордостью скажет:

Я о чувствах, как могла,
Миру пела, не лгала:
Звук по зернышку копила,
По крупицам берегла.

Но иначе, полагает поэтесса, и быть не должно, ибо *«поэту труден отдых праздный, // Но легок искрометный труд»* (**«На что поэту благодарность»**). А оный, в свою очередь, немислим без куража, являющимся своего рода творческим запалом и детонатором (**«Поэт, да здравствует кураж!»**). Чувствуется, что в своем «искрометном» поэтическом труде отсутствием куража Ольга Киевская тоже не страдает. Зато и награда — *«увидеть, как в душах людских прорастет // Живое, ржаное, зернистое слово!»* (**«Как мало зерна»**) — того стоит.

«Прорастает» же оно в питательной среде нашей повседневности. *«Меня влекут цветы земные...»*, — читаем в одноименном стихотворении. Влекут *«той неземною красотой, // Которую не зрят иные»*. А вот поэтическое зрение Киевской способно ее узреть. И все-таки среди огромного многообразия прекрасных земных цветов поэтессе не хватает единственного для нее и неповторимого, согласующегося с ее душой и сердцем и выражающего ее собственную суть цветка: *«А я все «аленький цветочек» // Пытаюсь тщетно отыскать...»*.

Что ж, вечный поиск такого цветка и составляет, наверное, главный смысл и сверхзадачу творческой жизни любого художника.

А творческие силы свои поэтесса Киевская черпает из чистых родников и колодцев России. Но припадая к источникам, выпитывая их живительную энергию, она при этом не забывает отдавать:

Расплачиваясь по счетам,
Своих затрат я не считаю.
Все, что брала — я в мир отдам.
Все донесу. Не расплескаю.
(«Родники»)

Немало стихотворных строк Ольга Киевская посвятила собратям по перу. Она с пиететом относится к поэтам всех времен и народов по той, хотя бы, простой причине, что в их творчестве *«так волшебнo проявляться // Умеют вещиcя слова»*. (**«Я славлю тайнопись поэтов...»**). Она не испытывает, как это очень часто бывает, болезненной ревности к творчеству коллег, что и подтверждает в **«Гимне поэтам»**. Более того, возникает даже у нее ощущение, что у поэтов *«при встрече целуются Стихи»*, да и сами они *«сливаются устами // Неистовых стихов»* (**«Русский поцелуй»**). Поэты, конечно, разные. *«Кто пишет лучше, кто острей...»*, одни — *«трепетный короткий вздох»*, другие — *«величественный выдох»*. Но все они, убеждена Киевская, достойны внимания и уважения. С другой стороны, ей безразлично, какого поэт *«сословья... веса, состоянья»*,

чина... *достатка и здоровья*», какого он *«достоинства мужчины»* (**«Зачем мне знать, какой из древних наций...»**). Поэт, если он действительно талантлив и самобытен, вне наций, *«партий и ориентаций»*. Он выше всего этого и в этом смысле — надмирен.

Объединяет же поэтов, по мысли Киевской, что все они *«родом из Творчества»* и каждый, *«презрев равнодушно имуществу», «иметь свое **Имя** обязан»* (**«Имя поэта»**). То есть, если по Пушкину, быть *«лица не общим выраженьем»*.

Но обретение своего творческого **Имени** дается иной раз поистине трагической ценой. О чем и напоминает Киевская в стихотворении **«В коммунальной бесприютной обители...»**, посвященном преждевременно ушедшим «падшим» поэтам типа Башлачева — *«белой смерти невольникам»*, которые *«преждевременно поняли: нужно спиться, чтоб тебя заприметили, или сдохнуть, чтоб тебя люди вспомнили»*. Вывод, однако, настолько же спорный, насколько и не новый. Невольники алкоголя и наркотиков традиционно подаются коллегами по творческому цеху как выразители социального протеста, хотя обычно это сугубо личностная трагедия людей, не совладавших с «вредной привычкой» или тяжелой болезнью.

Размышляя о поэзии и поэтах, Киевская задается и таким вполне естественным для пишущей женщины вопросом — кто она: поэт или поэтесса? Не секрет, что многих стихотворных особ просто коробит, когда их называют поэтессами. Киевская не из них. И у нее есть точное мерило: *«Оценки творчества легки, // Ведь есть **стихи** и не **стихи**»* (**«Поэт или поэтесса?»**). Хочу засвидетельствовать, что подавляющее большинство из созданного Ольгой Киевской относится именно к **стихам**. Другое дело, что женщин, пишущих стихи, она делит на три категории: «Автор, поэтесса и Поэт» (**«Ступени поэзии»**). Место самой Киевской в этой иерархии как раз посередине. Она пока еще не Поэт (путь еще предстоит неблизкий), но уже и далеко не просто автор.

От сонмища авторов-стихотворцев ее отличают, прежде всего, гораздо более высокая степень ответственности за сказанное слово и более взыскательное отношение к своему творчеству, не оставляющее места пустому тщеславию. *«Не дайте славы — // Скупой травы, // А дайте слова, // Не жду другого!»*, — восклицает Киевская в поэтическом манифесте **«Не дайте славы»**. В том, как раз, и есть непреходящая суть истинно поэтического состояния. Да и *«приторный елей // Поэту вовсе не награда»* (**«Кто пишет лучше, кто острее...»**), — убеждена поэтесса. В стихотворении **«Друзья мои, ну это слишком...»** она еще категоричнее отмечает славословия в свой адрес: *«Но разве делают мне честь // Тяжеловесный панегирик // И легкомысленная лесть?»*, и добавляет с иронией: — *«Пропью с поэтами шальными // Звенящей славы медяки!»*

Впрочем, нерадивого безответственного стихотворца с головой выдает прежде всего собственная поэтическая работа, о чем Ольга Киевская и напоминает в стихотворении **«Цвет стихов»**:

Стихи порою, как грехи,
Нас отличают в словоблудии.
Огрехи вспаханной строки
Не извиняет многотрудие.

С чем невозможно не согласиться, ибо несть числа у нас косноязычной рифмованной и нерифмованной серости, которую их творцы пытаются выдать за поэзию. Любопытно, что стихотворение это было опубликовано в самом первом сборнике Киевской, как бы определяя качество литературной работы в числе основных приоритетов его автора.

Дань уважения Киевская отдает не только собратьям-поэтам. Ведь не они одни «родом из Творчества». Ей интересен всякий по-настоящему творческий человек. *«Чту живописного искусства // Изобразительный язык»*, — пишет она в стихотворении **«Живу!»**, передавая свои ощущения от лицезрения картин в художественной галерее и сравнивая их с чувствами новорожденного на пути его появления на свет.

В стихотворениях «Нет в «Глобусе» свободных мест...» и «Ты надежно и по праву...» речь идет уже о музыкантах, покоряющих своим талантом и заряжающих высоким искусством творческий аккумулятор самой поэтессы.

А вот сказание «Зодчий» посвящено талантливому мастеру-плотнику, создающему шедевры деревянного зодчества. Автор любит его, поет ему хвалу в уверенности, «что мастера народ не забудет», как-то не зажигает во мне ответного чувства. Такого рода народных умельцев прошагало по поэтическим страницам в разное время множество. И плотник Кузьма, как и большинство его предшественников, увы, все тот же лакировано-лубочный образ с расписной шкатулки.

Мысль о равновеликости настоящего мастерства, таланта, чем бы человек ни занимался, звучит и в философическом этюде «Прачка». Сформулирована она пусть и без художественных затей, однако же афористически точно и исчерпывающе: «Порою прачка — выше, чем поэт, // Но и поэт — не ниже знатной прачки».

13. Найти свой фарватер

А Ольга Киевская между тем продолжает захватывать все новые для нее литературные территории. В одних лишь поэтических границах ей уже тесно. И появляются из-под ее пера рассказы, эссе, критические заметки и даже сценарий для мюзикла, пишется повесть... Ее творческая жадность, кажется, не знает предела. «Все время хочется чего-то нового», — говорит она. Вот и в стихотворении «Что знает о несказанном поэт?..» пишет, что «своих границ не ведает поэт». В смысле безграничных горизонтов творческого развития. И хорошо, что не ведает. Пока не ведает — растет, развивается. А Ольга Киевская — литературный организм пока еще, слава богу, бурно развивающийся, пика своего не достигший. Но...

Как пел Владимир Высоцкий: «Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!..» Придержаться бы свою прыть, оглянуться на то, что пройдено и сделано, осмыслить и понять, «куда ж нам плыть?..».

«Я — ищу фарватер». Этими словами начинается стихотворение Ольги Киевской «Кто я?» Сказаны они от имени пародируемого ею поэта, но на все сто и без всяких шуток относятся к ней самой. Пришла пора окончательно определяться с собственным литературным фарватером. И не растекаться по необъятному мелководью все новых интересов и увлечений, а уходить в глубины художественного постижения бытия. Ибо литература, как и любое искусство, живет и полнится глубиной. И чем глубоководней фарватер, тем крупнее ведомый художником творческий корабль, но и тем искусней его надо вести. А значит, и все важнее становятся вопросы профессионального мастерства. И здесь работы у Ольги Киевской непочатый край.

В стихотворении «Ночное» есть такие слова: «Я породистых слов разведу поголовье // И в табун соберу племенные слова». Очень достойное и важное для поэта занятие. И этой вот племенной селекционной работой в будущем Ольге Киевской надо заняться самым серьезным образом.

Еще в 2005 году, в стихотворении «Жажда» автор книги «Мои неистовые птицы» обещала своим читателям: «Вот и я пред вами. // Потерпите только — // Напоит стихами // Киевская Ольга!». Сегодня уже совершенно очевидно, что обещание свое она выполняет и перевыполняет. Теперь другая задача перед ней встает — добиваться того, чтобы вкус и качество поэтической влаги становились все лучше, насыщенней. Того поэтессе и пожелаем.

